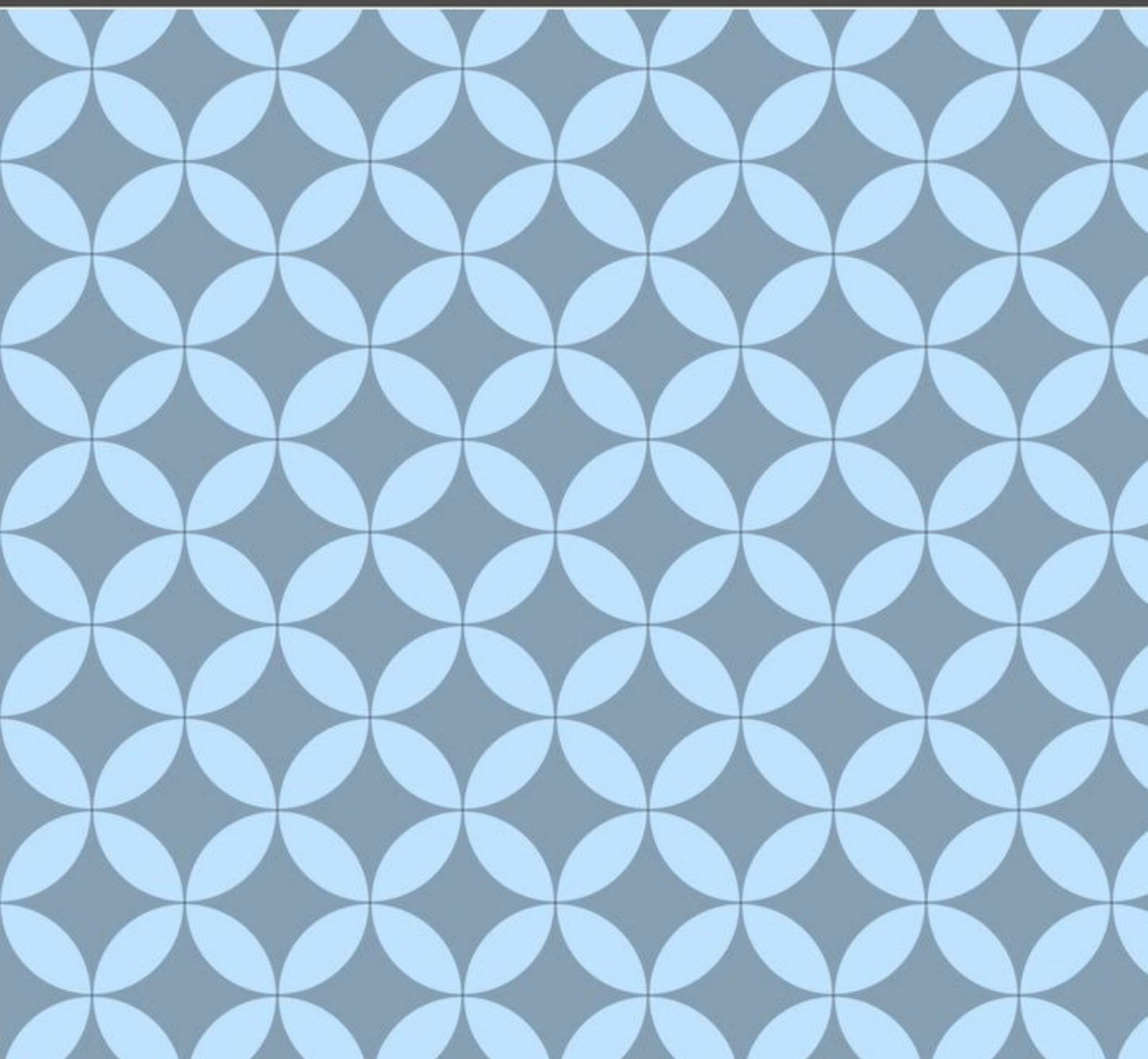

18+

Александр Чигаев

Волково поле

Александр Чигаев

Волково поле

«Издательские решения»

Чигаев А. Е.

Волково поле / А. Е. Чигаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937792-0

Екатерина Великая. Александр II. Любовь к женщине, любовь к псовой охоте и огромная любовь к своей родине России. Нужно жить и любить.

ISBN 978-5-44-937792-0

© Чигаев А. Е.
© Издательские решения

Содержание

II	13
VII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Волково поле

Александр Евгеньевич Чигаев

© Александр Евгеньевич Чигаев, 2018

ISBN 978-5-4493-7792-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Волково поле»

Вместо предисловия.

Не нужно сразу открывать книги по истории России. Ничего вы там не найдете о моих героях романа. Это не один человек, не два и даже не три. Их более десятка. У всех этих людей было много общего. Они были богаты, умели любить и страдать, но у них были две общие черты. Все эти люди безумно любили русских борзых, а главное, они безумно любили свою Родину под ёмким названием Россия. У меня была давняя мечта написать роман о борзых, но как-то все откладывал. Не мог понять суть, видимо, еще не дорос. Собирал статьи и рассказы. Но, что можно написать об охоте. Как встал заяц, и его поймали. Да, может получиться рассказ на две три страницы. Можно и еще один рассказ написать, а дальше будет простое повторение слов. Потом, и осознание пришло. Невозможно написать роман о животных. Роман, это, прежде всего страсти. Любовь, преданность или измена. Дружба и ненависть, и наконец, диалоги между людьми. А какие страсти могут быть у собак, тем более диалоги. Возможно, у собак есть и страсти, есть и диалоги, но нам, людям это все непостижимо. Собака не может рассказать, как она идет на схватку с волком, что она чувствует при этом. Значит, роман, это, прежде всего живые люди с их страстями, с их переживаниями, а все остальное, простое дополнение, фон. Идея приняла очертания, теперь нужны были герои романа. А вот тут-то и возникли трудности. Где взять таковых. Люди оставляют свой след в истории по своим делам. Это дипломаты, большие сановники, герои войны и полководцы и, конечно же, цари и императоры. А какой след в истории может оставить человек, если он любит охоту с борзыми. Да, его помнят дети, может быть и внуки, но ни кому не придет в голову написать об этом человеке в летописях своей страны. Все мы любим животных, это не значит, что о нас должны помнить потомки. Вот и полный тупик идеи. Тупик есть, а вот идея осталась. Однажды, читая небольшой рассказ в старинном журнале об одном помещике, псовом охотнике. Автор упомянул его имя и рассказал, что тот был героем войны, кавалером многих и многих орденов. Есть фамилия, есть эпоха, в которой он жил, есть награды, значит можно и найти этого человека. Узнать немного о его жизни. Жаль, мне недоступны российские архивы, но мы живем в эпоху цифровой связи, и есть интернет. Начались долгие поиски. Нашел, да был такой человек на белом свете. Дальше информация разрасталась, как снежный ком. Два года поисков. О самом офицере всего пару строчек, но море сопутствующих материалов, совершенно не относящихся к делу. Тут и легенда о танцовщице, о женитьбе князя на крепостной, о дуэлях, и наконец, о страстях. Любви, преданности и разлуке. Были найдены люди, беззаветно любившие родину, с одной общей чертой, они обожали псовую охоту. Выйдя в отставку, они посвятили свою жизнь русской псовой борзой. Но, все еще было непонятно. Слишком много героев, для одного романа, и о каждом с гутькин нос информации. Да, был, да, жил, да, любил. Всех этих людей, я выстроил по годам их жизни, в хронологическом порядке. И тут наступило прозрение. Я убрал их фамилии и имена, и заменил одной фамилией. Иванов Иван Иванович. Так получился один человек, правда жил он сто лет, многовато, и наград получилось слишком много. Выход всегда есть. Зачем один человек, когда может быть отец и сын, тут и во время

уложиться можно и награды поделить. План и идея есть, можно и начинать. А о чем думали эти люди и о чем они говорили? История, вообще не упоминает. Что мы знаем об общении людей высшего сословия. Будьте любезны, если Вам не трудно. Возможно, они так и общались между собой на людях. А вот, когда они оставались одни, неужели они занимались тяжелым трудом в воспроизводстве себе подобных. Неужели женщина графиня чем-то отличается от женщины служанки, или, просто есть женщина, а титулы, это, только добавление к женщине. Страсти-то у всех одинаковы. Чем отличается сегодняшняя женщина, от женщины жившей двести-триста лет тому назад? Титул, это прекрасно, но титул не влияет на чувства, на эмоции. Любовь не имеет титулов. Те страсти, что нам даровал Господь, не имеют к титулам ни какого отношения. Любовь и страсть доступны каждому человеку, даже самому ничтожному. Главное, что он человек. Но были сомнения. Ответ всегда можно найти у классиков, на то они и классики, их произведения всегда живы в любую эпоху. Вот тут и помог Лев Николаевич Толстой. Граф. Замечательно. То, что мне и нужно. Каренин, будьте любезны и если вам не трудно. Вот его общение с женой. Вот вам и тяжкий труд воспроизводства себе подобных, не более того. А Анна, она хочет любви, она хочет неземных страстей, она просто женщина. Вронский бросает все, и он желает любви. Чем все это окончилось, не имеет значения. Главная суть все та же, любовь не имеет титулов. Я убрал весь лак в отношении героев в семье и любви. Оставил внешние атрибуты, будьте любезны ваше сиятельство. В романе все героини прекрасны, а герои красивы и удалы, вы уж простите меня, но кто захочет читать о серых людях. Сами мы все серые, во всяком случае, я, например. Человек всегда живет надеждой. Жизнь не бывает в прошлом или в будущем, жизнь, только в настоящем. Вот в эту минуту, вот в эту секунду мы и живем. А надежда на будущее, просто, согревает нашу душу. Замарашка Золушка получает свою туфельку, ленивый мужичонка, который всю жизнь проспал на печи, свой меч-кладенец. Вот и мечта сбылась. Замарашка стала прекрасной девой, мужичок, прекрасным витязем. Это же прекрасно, когда мы мечтаем. Я уже не говорю, об эротических фантазиях человека. Они сбылись и вы счастливы на этой земле, хоть на час, на минуту или секунду, но вы счастливы. Мечта дает надежду и жизнь продолжается. Вера. Надежда. Любовью Прекрасно. Почему фамилия главного героя, Волков. Просто все до невозможности. Понравилась фраза. Волков охотится на волков. Вот и весь мой ответ. В роман добавил несколько очень известных фамилий и личностей. Вот вам и правдоподобия в романе. Очень трудно описать охоту по волку с борзыми. Сам-то я на такой охоте не бывал. На меня волки охотились, когда я их с ружьем поджидал, а вот так, что бы лихо на коне и с псовыми по волку, не было такого. В романе полный разгул моего воспаленного воображения. Возможно, есть и неточности. Грешен. Вы уж простите. Я ни когда в своей жизни не видел настоящего русского волкодава. Так раньше назывались псовые злобочи, которые волка брали намертво в глотку. Я ни когда в своей жизни не видел псового кобеля, который не имел рублевой цены, то есть цены золота. За такую собаку расплачивались деревнями, да что там деревнями, имения отдавали, только бы заполучить такого кобеля. А были и такие, которые вообще не имели реальной цены. Это шедевр человеческой мысли, пик его тяжких трудов, вершина кинологии. Травля волка, это не развлечение, как думают многие, это тяжкий труд многих поколений русских людей.

И еще, самую малость.

Не знаю как для других, а для меня, как автора, главное, что бы книга была прочитана до конца. У любого читателя есть возможность, не дочитав, просто захлопнуть книгу и забыть о ней навсегда. Если книга прочитана от корки до корки, пусть роман и плох, но, что-то все же заинтересовало читателя. Дальше ругайте меня, но мне очень приятно, как автору, что роман прочитан до конца.

Я Вас всех люблю. С уважением. Автор.

P.S. Не бывает комплексных охот, как пишут некоторые господа теоретики. Бывает комплексный обед в советской столовой. Когда вам подают борщ, но таракан на стене, это еще

не комплексный обед, а вот когда таракан уже в борще у вас, вот тут вы все получаете в комплексе. Бывает комплексная покупная любовь. Когда вы берете себе женщину за деньги, деньги она взяла, а вот у нее комплекс, она не спит с каждым мужчиной. Есть травля волка, есть травля зайца и комплексы тут не причем, это суета. Идет охота на волков. Работает чистокровная русская псовая борзая.

Исток.

Пути Господни неисповедимы. Как часто мы произносим эту фразу. Смысл прост и понятен, но это только на первый взгляд. Человеческая жизнь имеет начало и конец, а вот жизнь всего человечества идет по кругу. Нет там ни начала, ни конца. Жизнь одного человека, зеркальное отражение жизни другого человека, если у них есть много общего. Каждая душа человека строго индивидуальна. А внимательно присмотришься, люди разные, а судьбы одинаковы.

Полковник, лейб-гвардии гусарского полка Александр Волков ехал весь израненный в Петербург. На дворе был апрель 1813 года. Александр полулежал в кибитке, он был, еще слишком слаб, что бы самому ехать на лошади, да и ходить он только недавно начал. Почти целый год он провалялся на больничной койке в лазарете. Дорога была ухабистая, и лошадь шла медленно. Александр смотрел на облака и думал о прожитой жизни. Мне сорок пять лет, война с Наполеоном прошла мимо меня. Ну, что ж, жизнь только начинается. Раз Господь не дал умереть, то и проживем еще, и он подумал о своем отце. Точно так же, но сорок с лишним лет назад по этой же дороге ехал и его отец, Семен Волков, штаб-майор лейб-гвардии гусарского полка. Александр очень хорошо помнил рассказы отца, и Акима о том времени.

I

Бравый петербургский гусар Александр Волков, завсегдатай модных салонов, женский сердцеед и красавец. Дуэлянт и балагур. Да, мало ли еще эпитетов можно было ему добавить. Свою военную карьеру он начал прапорщиком и в первый же год службы провел две дуэли. Подпоручику Ставинскому, он прострелил плечо, а вот красавцу Гаевскому, он саблей отрезал левое ухо. Все остались живы. Семен получил строгое взыскание и очередное воинское звание подпоручика. Так успешно началась его военная карьера. Наверно, он бы наделал еще много глупостей, но получил письмо от своего отца, взять отпуск и немедленно явиться в имение. Погуляв еще с недельку в Петербурге со своими собутыльниками, Александр взял недельный отпуск и поехал к отцу. В общем, то Александр не был гулякой, воспитывался он в строгости, но вот вольный воздух Петербурга сделал с ним такое дело. Александр лихо подкатил к крыльцу родного дома. Дворня высыпала на улицу и кланялась барину, но отец не вышел его встречать, что сильно удивило Александра. Не приболел ли отец, еще подумал он. Его встретил Аким, который был и псарем, и управляющим, и, вообще, главным в имении человеком, через которого и велось все управление большим волковским хозяйством.

– Батюшка вас ожидает в кабинете. Грозен и страшен. Вы уж там барин по тише будьте, давно я его таким не видел.

Семен вошел в кабинет, поклонился отцу и поцеловал ему руку.

– Я зачем тебя в Петербург послал? Что бы ты там волочился за бабами, пил водку и дрался на дуэлях? Мы Волковы, слышишь, мня, Волковы. Наша обязанность служить царю и отечеству. В нас сам царь Петр поверил, что бы мы не щадя живота своего служили родине. Твои два брата служат в армии исправно, а ты один фамилию поганишь. Я на тебя возлагал большие надежды, ты один был записан за лейб-гвардией. Не знаю, что и делать с тобой.

Александр ожидал такого разговора. Отца он очень любил и хорошо знал его характер, но вот эта дикая питерская свобода сыграла с ним такую шутку. Все в твоих руках. Протяни руку и вот они женщины красавицы в твоей постели. Можно и сабелькой помахать, показав свою удаль молодецкую.

– Грешен я отец. Бес попутал. Пока сюда ехал, все понял и без твоих слов. Поостепенюсь я, хотя в Питере и другая жизнь. Если локтями не растолкаешь, то и не пробьешься.

– Да, кто тебе говорит, что паинькой быть надо? Мы Волковы, нас уважать и бояться надо. Мы себя в обиду ни когда не дадим. Но к чему эти пьянки и гулянки-то? Если надо, то и в морду дать можно и на дуэль вызвать, но по уму и за дело. Мы в армии лучшие и самые храбрые. Но умереть мы должны не в дамском салоне, на жене, какого-нибудь князюшки, а на поле брани. Ты меня понял сынок?

– Понял отец. Больше со мной у тебя хлопот не будет. Буду тише воды.

– Тогда ты меня не понял сынок. Глупости делать не надо, это главное. А так ты гусар и доблесть твоя должна быть везде. А если у светлейших князей рога появятся, так это им тужить надо. Теперь подойди ко мне, и я обниму тебя. Живи по уму сынок.

Отец обнял сына. Он точно знал теперь, что сын не подведет его больше.

– В пятницу вечером приедет князь Гагарин со своей фамилией. У хромой балки вывенок волков залег. Аким посты выставил, что бы ни спугнули и приваду оставил. Травля должна быть хорошей. Потом и на зайчишек поохотимся, молодняк подрос, первопольных собак посмотрим. В понедельник отправишься в полк. Тихо сейчас в империи, но говорят, опять на Кавказе не спокойно стало. Если там полыхнет, то сразу туда и отправишься. Негоже башмаки стирать о паркетный пол, тебе боевые награды нужны, а то в поручиках всю жизнь и прослужишь. Сильна Россия сегодня, как никогда, бояться сунуться на нас. Денщиком тебе дам сына Акима, Прошку. Целый год его муштровал Кошта. В седле держится великолепно, саблей владеет не хуже тебя.

– А кто же борзими заниматься будет. У Акима и без того дел невпроворот. Наши борзые лучшие во всей округе. На Прохоре же вся псарня.

– Это тебя пусть не волнует. Аким сам сына к тебе в услужение дает. Его семья всегда служит вместе с нами. Дед Акима служил вместе с моим дедом, отец его был возле моего отца, Аким верой и правдой мне служил, значит и Прохору возле тебя быть. Денег тебе в руки давать не буду, все будет у Прохора. Теперь он будет твой казначей, нянькой и мамкой с папкой. Проштрафишься, пороть его буду, пусть тебе стыдно будет. Дворовых девок не трогать, если сильно приспичит, то можно, да и нужно Дарью к себе позвать. Она баба молодая здоровая и чистая. Вот судьба. Вышла замуж и через месяц вдовой стала. Митька кузнец, муж ее, поспорил, что сам медведя на рогатину возьмет. Вот и взял медведя, только сам рядом и полег. Я ее забрал к нам в дом, что бы ни обижали. Она в доме убирает. Девка справная. Другие девицы и их не трогать.

– Понял я батюшка. Слушаюсь и повинуюсь.

– Не ерничай. Баньку тебе истопили уже. Иди, попарься, да и Прошку возьми. Привыкай, теперь ты с ним долго будешь рядом, возможно и на всю жизнь.

Прохора звать было не нужно. Он ждал Александра у бани. Они были знакомы с детства. Прохор на несколько лет был старше Александра. Прохор вырос вместе с борзими, любовь к борзым у него была в крови, а вот Александр полюбил борзых позже, когда сам охотится, с ними стал. На волка, по малолетству они не ходили, а вот зайчишек травили часто. Бывало, вдвоем умыкнут сучонку из псарни и в поле. Поймают с пяток зайцев и подарят кому-то из крепостьян. Домой нести добычу, было нельзя. Если Аким узнавал о проделках сына и Александра, то сек обоих безбожно и приговаривал.

– Нельзя травить зайцев не в сезон, грех это большой.

Если честно, то сек он их часто, но бережно. Острастку давал, но ему нравилось, что сын его и барчук так полюбили борзых и дружны. Аким не боялся, что сечет барского сына. Права у него были большие в имении Волковых. Да, он был бывшим крепостным, да, он был рабом своего хозяина, время было такое, но рабство это его не тяготило. У него уже была и воля и деньги, но он и не думал уходить, всегда остался со своим хозяином. И не по тому, что у него было рабское сознание, ему прекрасно жилось у Волковых. От податей он был освобожден навечно указом деда Александра. В деньгах он не нуждался, у хозяина он мог взять любую нуж-

ную сумму, но ни когда не пользовался этим. Главный доход его был с продажи борзых щенков. Делал он это крайне редко, да и собак вязал мало. Только самых лучших и для поддержания породы в чистоте. Волковские собаки ценились на всю округу. Щенок, меньше, тысячи рублей серебром не стоил, да и то, продать могли суку, про кобелей, вообще разговор не велся. Кобели не продавались и цены не имели. Из этой суммы, Аким немного денег оставлял себе, а все остальное шло на строительство псарни и кормление собак. Дом Акима, был рядом с барским домом, но не чем не отличался от других крестьянских домов, но только снаружи. А так в доме была и мягкая мебель, и жена красавица. Аким женился поздно. Увидел красивую девушку, посватался и та с радостью пошла за него. Псарня была рядом с его домом. Сейчас там было тридцать две борзые и восемь костромских гончих. Раньше борзых было по более, но сейчас Аким со своим отцом сильно задумались, вроде молодняк и резвый, а вот бросок у собак пропадать стала. Последний помет тому подтверждение. Вроде все собачки ладные, а вот среди кобелей хорошего броскового злобача не видно. Они долго просиживали с родословными книгами, а вот удачную вязку не находили. Последний раз вязали Турку с Метелью, но результата хорошего не получили. Знаменитый волкодав Турку, то ли старый стал, то ли Метель стерва бросок кобелям не дает. Аким и к хозяину с этим ходил. Пора, мол, Семен Андреевич свежей крови добавить нашим собакам. На что хозяин и ответил.

– Так я не против Аким этого, но где взять-то свежей крови. Во всей округе наши собаки, вон ты Гагариным всех непотребных сук продал. Предлагай, у кого купить.

– Тут вы правы барин. Надо Александру сказать, может он, где увидит кобеля хорошего, вот и добудет нам кровей новых.

– Ох, Аким, они с Прохором, теперь, только баб новых в Петербурге увидеть могут и свою кровь в чужую породу подлить. Ты скажи Прошке, пусть он посмотрит собачек, когда с Александром уедет. Они сейчас в бане моются.

Баня была исправна натоплена. Прохор хорошенько отдубасил веником Александра, но Александр не остался в долгу. Подлив ковш кваса на раскаленные камни, и Александр хорошо отходил Прохора. Они лежали на полке и потели. Как и ведется, вели душевную беседу.

– Вот, что Прохор. Ты уже знаешь, что мой отец тебя отправляет со мной служить. Хоть ты уже и не мой крепостной, так мне и не нужен раб рядом, мне нужен друг. Сто лет назад моя прабабка была точно такая же крепостная, как и твой отец. Твой отец службой родине получил вольную. Два Георгиевских креста на его груди. А царь Петр за службу родине ее отца, выдал мою прабабку за князей Волковых. Когда мы вдвоем, ты мне брат, но на людях мы не ровня. Если сослужишь службу мне, то я этого ни когда не забуду, как не забывает мой отец твоего отца. Казна будет у тебя, мне выделять деньги на самое необходимое. Даже, если прикажу сечь, денег мне без нужды не давать, это первое. За горничными не ухлестывать, это второе и главное.

– А на кой мне эти горничные-то сдались? Что я без них не проживу?

– Ох, Прохор, не проживешь. Это у нас в деревне полный домострой. Петербург, это совсем другое. Там вольная жизнь и нравы легкие и прекрасные. Я славно год прожил. И княгиню, и графиню испробовал, я уже не говорю об актрисах и других прелестницах. Были бы деньги, а женщин там прекрасных, как в море чаек.

– Так я и моря и чаек никогда не видел.

– Увидишь Проша. Все будет хорошо. А как у нас на счет женского пола? Сейчас бы рюмочку под соленый грибок и ухватиться двумя руками за сиськи.

– С этим строго у нас Александр Семенович. Ваш батюшка всех в строгости держит. А мой отец за этим следит.

– А как же ты Прохор с этой нуждой справляешься, или в девках еще ходишь?

– Есть у меня полюбовница, жена мельника. Он, видишь ли, себе молоденькую жёнку взял, боров старый, вот теперь с рогами и ходит, кажись я ему еще и ребеночка сотворил, на сносях моя любавка.

– Так ты у нас Прохор ходок. Знаю, теперь мы с тобой сладим. А как же мой папенька с этим обходится, он же у меня еще не старый?

– И барин нужду справляет исправно. Вы как уехали, так он Анну откуда-то привез и кухаркой поставил. Но она не готовит вовсе, все, как и раньше Акулина стряпает, а Анна хозяйкой в доме живет. Молодая красивая девка. Вот повезло бабе. Я думал, что он себе еще одну взял Дарью, вдовая она, красива как царица, хоть я и цариц не видел. Ан, нет, не трогает ее барин, я бы знал. Я к Дарье сунулся, как-то ночью, когда барина в доме не было, так она меня зверюка по морде шарахнула и выгнала прочь. Хорошо хоть барину не доложила, а то бы высекли как сидорову козу. Тут бы мой папуля всю постарался бы, да и Кошта потрудился бы вволю.

– Говоришь, красива как царица. Хорошо бы глянуть на нее. Идем по рюмочке выпьем, потом ступай из бани и позови ко мне Дарью.

Они выпили несколько рюмок, поговорили и Прохор пошел за Дарьей.

Александр завернулся в простыню и стал ждать. Через десять минут в баню зашла Дарья. Молодая и очень красивая девушка, лет восемнадцати, может и еще моложе. В русском сарафане, босая. Огромные голубые глаза и тугая русая коса. Она покорно опустила глаза.

– Звали барин?

– Проходи и присаживайся.

– Не к чему это барин.

– Проходи, проходи Дарья, не стесняйся, я тебя не съем.

– Знамо дело, что не съедите, но негоже мне в бане с вами находиться. Ежели силой взять хотите, то я раба ваша, тут я вам покорна во всем, но радости от такой любви вы не получите. Срам один.

Еще бы вчера, то Александр бы взял Дарью за теплые ручки и втащил бы ее в баню. Задрал бы ей подол сарафана и сделал бы свое дело, но что-то сильно изменилось в нем, и он не стал делать этого.

– Заходи Даша, я тебя точно не трону без твоей воли на то. Поговорим немного, и иди себе на волю с Богом.

Дарья села на край скамьи. Действительно, красивая девчонка.

– Да, не трону я тебя Дарья не волнуйся. Захотелось женской ласки, а ты у нас вдовая, не убудет же от тебя.

– То-то и оно, что не убудет. Вы уедите, а что обо мне говорить в деревне станут. Всем рты не закроешь. А я молодая еще и замуж хочу, кто меня возьмет потом.

– За этим дело не станет. Будет приданное и муж будет.

– Да, не хочу я так, я любить хочу. Меня родители без любви за кузнеца отдали, вот видите как оно и получилось.

Александр уже хотел отпустить девушку, но гусар и в бане гусар. Понятно, прикажи он ей, так она тут же с себя сарафан и скинет. Хочешь любви, будет тебе и любовь, подумал Александр.

– А погулять-то мы можем вечерком, после ужина?

– От чего же барин и погулять можем. Приходите вечерком к березовой роще, когда стемнеет, я там вас ждать буду.

– Так как же я тебя найду красавица? Ночи-то у нас темные.

– А вы не волнуйтесь, я петь буду, вот вы и найдете меня. Я очень люблю петь. Раньше пела в церковном хоре, так Отец Михаил выгнал меня. Сказал, что так только бесы петь могут. Не может так петь человек. Вот, теперь я сама пою, когда ни кого рядом нет. Раньше, как услы-

шат меня, так все работу и бросают, слушают. От того и замуж родители меня выдали быстро, совсем молоденькой. Сказали, выйдешь замуж, муж петь не даст. Оказывается, Господь хочет, что бы я пела. Забрал у меня мужа.

Дарья ушла. Он понял, что ни куда не денется от него эта чудная девушка, любить хочет, но не хочет разговоров. Молодец деваха, барину не откажет. Александр оделся и пошел в дом. Отец был в своем кабинете и чего-то там писал. Александр осмотрелся. За год его отсутствия в доме ни чего не изменилось. На кухне хлопотала пожилая Акулина. Она набивала гуся яблоками. Помнила старая, что Александр это блюдо любит больше всего. Александр взял теплый пирожок с творогом, понюхал его и ощутил запах детства и на вкус он был хорош.

– А где Анна, спросил Александр у Акулины. Хочется на нее взглянуть, чего там батюшка для себя присмотрел.

– Да Господь с вами барин, чего там вы удумали.

Семен строго настрого приказал всей челяди, что бы о его отношениях с Анной ни кто не посмел сказать Александру. Один Прохор проговорился, но у того был свой резон в этом. Александр и так все узнает, а Прохору с Александром служить надо. Акулина продолжала говорить.

– Анна справная девка, весь дом на ней. Она за барином как за малым детём ходит. Барин ее к Акиму послал, что бы он с женой к нам на ужин пришел. Мы же по-простому тут живем, не то, что в Петербурге. Там барин, барин, а в имении он как простой мужик ходит. Ну, ежели гости приезжают, то тут он марку держит, да давно гостей у нас не было. Вот Гагарины в пятницу появятся, тут и слуг в ливреи оденут, и серебро на стол поставим. Все чин по чину будет. Ваше сиятельство извольте откусать рюмку водки. Батюшка ваш всегда с Акимом трапезничает и разговоры у них о войне и о борзых собаках.

Отец.

I

За много лет дворянства Волковых у них в доме ни чего не поменялось. В Петербурге, это были большие сановники с огромной свитой, лакеями и экипажами. Блеск золота и бриллиантов. В имении, это простые люди, которые очень скромно жили. Акулина не была приближена как Аким, но она была своя и родная. Замужем она была за конюхом. В былые времена, если семья уезжала жить в Петербург, туда следовала и Акулина. Для торжественных приемов был выписан повар француз из Парижа, а вот повседневно готовила Акулина. Детей своих ей бог не дал, вот она всю свою любовь направила на семью Волковых. Любила ли она мужа, Александр этого не знал. Вскоре и Анна появилась. У Александра, аж, дух перехватило. Теперь он понял, куда подевался один из лучших псовых кобелей Злыдарь. Кобель отваги и ярости был необыкновенный. По второму полю, он уже брал матерых волков в горло и держал их до подъезда охотников. Всех волков принимали живыми, если успевали подъехать во время. На прибылых волков, его не пускали, так как от них только ключья шерсти оставались. Не только вся губерния о нем слыхала, слава его шла на всю Россию. Злыдаря хотели видеть и на всероссийской выставке, но отец не захотел вести туда собаку. Эксперты были у них в имении, они и работу Злыдаря видели и не по подсадному волку, а по самому, что ни на есть вольному и матерому. Так и сказали. Смело везите на выставку, большая золотая медаль ваша. На что Семен Андреевич ехидно подметил.

– Да, где уж нам не мытым с великими князьями соревноваться. Это им собачки-то золотые медали носят, а мне мои борзые волков добывают.

В Першине доложили все, скорее всего и со своими комментариями. Даже, поговаривали, что великий князь был здорово зол на Волкова, хотел и вызов принять, посоревноваться борзыми, но как-то все улеглось само собой. То ли великий князь остыл, то ли понял, что с волковскими собаками ему тягаться ни к чему. Эти слова отца еще аукнуться Семену, но это будет позже.

Больше года назад, когда Александру пришел срок прибыть в полк, отец поехал с ним в Петербург, что бы представить его полковому командиру. Александр не боялся Петербурга, он часто и подолгу жил в Петербурге, в доме своего деда, князя Шереметьева. После смерти матери, отец оставил службу, и перебрался жить в деревню, в свое имение, только, иногда посещая Петербург, когда приглашали на большие приемы.

Как я уже написал, жизнь идет по кругу. Все, что произошло раньше, готовит почву к последующим событиям.

В полку Александра приняли радушно и как своего. Все хорошо помнили его отца. Ходило много слухов о службе Семена Волкова, были и легенды о его победах на дуэлях и над женщинами, но пока Александр ничего этого не знал. Вскоре он узнает многое. А главное он узнает о большой любви отца к простой танцовщице по имени Дагу, которая покорила Петербург и Европу, и которая умела летать над сценой. В полку и присказка была, о его отце. Улыбка ангела, а шпага дьявола.

II

На одном из приемов впервые в свет вывезли Ольгу Шереметьеву. Семен Андреевич, отец Александра, уже в капитанах ходил и с Георгиевской лентой, в шрамах и холостой. Он взглянул на Ольгу и понял. Вот кого он ждал всю свою жизнь, это его женщина и он ее никому не уступит. Он кружился в вальсе с ней, краснел и молчал. Когда Ольга отдыхала, то он не отходил от нее. Не нашлось ни одного смельчака, который мог бы ее пригласить на тур вальса. На следующем балу повторилось то же. Семен Андреевич или танцевал с Ольгой, или оберегал ее покой. Все стали замечать это. Однажды Ольга не выдержала и сказала ему.

– Так вы отобьете всех моих женихов, и мне придется в монастырь идти, и лукаво посмотрела на Семена.

– Не беспокойтесь княжна, монастырь вам не грозит при такой вашей красоте. Если бы вы мне подарили надежду, я бы тогда пошел поговорить с вашим батюшкой.

– Попробуйте, вы же гусар и говорят, что храбрец, а я подумаю, что вам ответить.

Одно дело сказать красавице, что она тебе любя, другое дело, что скажут ее родители по этому поводу. Да, Волковы вельможи, но не из того теста, из которого бояр выпекают. При царе Петре, вопросов бы не было, но сегодня другие правители на троне и с этим нужно было считаться. Не было бы счастья, так несчастье помогло. Уже подходил конец бального сезона в Петербурге. Ольга танцевала, только с Семеном, иногда и с пожилыми сановниками, другие не решались пригласить ее танцевать, зная остроту шпаги Семена. В этот день кавалергард князь Болховской принял на грудь лишний бокал шампанского и был разгорячен чрезмерно. Молодость, глупость, а может быть и не очень верные друзья подшутили над Болховским.

– Иди, мол, пригласи княжну на танец. Что, слабо с Волковым потягаться?

– А кто такой Волков, он, что святее папы римского, возразил князь. Его прабабка недавно еще в навозной куче ковырялась, кто он такой, что бы я его боялся?

И тут кавалергарда понесло. Он подошел к Ольге, которая уже встала, что бы танцевать с Волковым и наглым голосом сказал.

– Княгиня, разрешите тур вальса, с этим вы еще успеете натанцеваться.

До Ольги еще не дошли слова Болховского, а весь зал уже затих. Всем стало ясно, что жить кавалергарду осталось всего ничего. Если не сейчас, то уж утром он примет свою смерть.

– Я к вашим услугам кавалергард. На рассвете я вас укорочу вдвое, что бы вы больше не мешали мне танцевать. Дама приглашена мною, и танцевать будет со мной.

Болховской не смутился.

– Мне надо посоветоваться с друзьями, имею ли я право драться с вами на дуэли. Я князь Болховской, если вам не известно.

И эти слова не вывели из себя Волкова, хотя и задели сильно за живое.

– Если вы намекаете на мою прабабку, то ей столбовое дворянство дадено Петром Алексеевичем, а наш род Волковых не хуже Болховских. Так, что вам по чину драться со мной на дуэли. Мои секунданты укажут вам место и время, где я буду ждать вас утром, если не испугаетесь, когда проспите.

Что не удалось Болховскому, удалось Волкову. Он вывел князя из себя. Теперь все права на дуэль были у Волкова. Болховской перешел на фальцет.

– Да, знаем мы, как вы с Меньшиковым царя охмурали. Вот и привилегии такие получили.

– А вот Александра Даниловича ты не касайся щенка. Когда твои предки в дворянском ополчении с голым задом бежали от шведов, Александр Данилович с моим предком на шпагу взял все земли, которые вам сегодня и принадлежат. Если вы сударь об этом не знаете, то прочитайте об этом на досуге. Я вам все сказал.

Тут громко заиграла музыка. Волков обнял Ольгу и закружил ее в танце. Ольгу обуяло двойное чувство. Из-за неё впервые была назначена дуэль, это ей льстило, но, то, что будет убит один из соперников, это омрачало радость.

– Неужели вы будете драться из-за меня на дуэли, спросила Ольга, кружась в вальсе? Я бы не хотела этого. Вы намного искуснее Болховского, мне будет, очень жаль, если вы его убьете.

– Простите Ольга, тут дело не только в вас. Он мог бы дожидаться другого танца и пригласить вас, возможно, это и сошло бы у него с рук. Что можно ждать от подвыпившего юнца, но он оскорбил меня и моих предков, а вот этого я ему ни как простить не могу. Тут задета моя честь, а она у меня одна.

Музыка утихла. Волков отвел Ольгу к ее матери.

– Княгиня, я в полном восторге от вашей дочери. Простите меня, я вас покину, дела.

Семен покинул бал, на улице его уже ожидали его товарищи.

– Что Семен, дуэль, спросил один из них.

– Он мне не оставил выбора. Завтра утром я прокалю этого щенка шпагой, потом поеду свататься к Шереметьевым. Там мне откажут, после чего, мне смело можно проситься в Калмыцкие степи, гоняться за калмыками и татарвой. Утром прошу вас быть моими секундантами.

Семен уехал к себе домой. Его отец уже все знал, о ссоре затеянной Болховским. Останавливать сына он не собирался. На карту была поставлена честь всех Волковых. Через некоторое время от князя Шереметьева была прислана записка.

– Семен Андреевич очень вас прошу посетить меня незамедлительно.

Семен понял, что будут просить за Болховского, или Болховской сам одумался и решил предложить мировую. Это был лучший вариант, но тогда Болховской должен был покинуть свой полк, службу и больше ни когда не появляться в Петербурге. Вот тут у Семена были большие сомнения. Скоро он появился у Шереметьевых. Его тут же принял сам князь.

– Хочу с вами откровенно поговорить Семен Андреевич. Все, как-то неожиданно получилось. Вы, с вашим ухаживанием за Ольгой и с князем Болховским. Я был категорически против вашего ухаживания за Ольгой. Причину объяснять не буду. Для Ольги я бы желал другого мужа, скажем так, другой фамилии. Не нужно так на меня смотреть. Я отец и мне решать за кого выйдет замуж моя дочь. Как и сказал, я откровенен с вами. У меня, только что побывала мать Болховского, она в панике. Мальчишка еще пьян и похваляется, но утром он поймет, в какую переделку он попал. Это не дуэль, это убийство Семен Андреевич. Понятно, что шансов у Болховского, нет ни каких. На шпагу взять трех офицеров за один бой, могли только вы.

– Что вы предлагаете ваше сиятельство? О своих ратных заслугах я знаю, но тут задета честь семьи. Кстати, мой предок воевал бок обок с вашим предком, когда Шереметьев был главнокомандующим у царя Петра. Это Шереметьев награждал лично моего предка и пил за его здоровье.

– Да, все я знаю Семен Андреевич. Я, только, не знаю, что вам предложить.

Если мужчины не могут найти выход, то у женщин всегда выход есть. Ольга подслушала весь разговор отца. Она выскочила из комнаты и бросилась отцу в ноги.

– Отец, если вы дорожите мною и любите меня, дайте свое согласие на мой брак с Семеном Андреевичем. Я полюбила его с самой первой встречи с ним.

Князь стоял в недоумении.

– Так он, вроде, и руки твоей не просил.

Тут возникла не очень ловкая ситуация. Семен был влюблен в Ольгу, вопросов нет, но вот так с ходу и по кавалерийские взять себе невесту он, и не мечтал. Ольга посмотрела молящими глазами на Семена. Все, судьба его была решена. Он встал на колени рядом с Ольгой и приклонил голову. Теперь князь был в замешательстве. Только что, он говорил, что против этого брака, а теперь, ему почти не оставили выбора. Час назад княгиня Болховская молила его о помощи, и он обещал помочь ей, теперь он и не знал, что делать. Если Волков отка-

жется от дуэли, то, ни о каком браке с Ольгой и речи быть не может. Кому нужен родственник с поруганной честью. Сейчас дать согласие на женитьбу, значит, нужно было убить Болховского. Такая дуэль не может окончиться первой кровью, тут будут биться на смерть, это ясно.

– Семен Андреевич, быть вам моим зятем, если Болховской останется жив, но при этом уронить честь вы свою не можете. Вот такая непосильная задача стоит перед вами. Другого выхода я вам предложить не могу.

Ольга потом поймет смысл слов отца, а сейчас она была счастлива. Она действительно была влюблена в Семена. На том и расстались. У Семена оставалось два пути. Первый, это принять извинения от Болховского, если таковые последуют. Но, на это рассчитывать было нельзя. Болховской, хоть и мальчишка, но честь свою он ни кому не отдаст. Это порода и воспитание. Второй выход был проще. Нужно было высечь Болховского шпагой, так, что бы он запомнил этот день на всю свою жизнь. Конечно, он наживет себе кучу врагов, но с этим жить было можно, Ольга на веки достанется ему.

Утро. Небольшой ночной морозец еще не прошел. Каков фехтовальщик Болховской, Семен не знал. Наверняка, он неплохо знал фехтовальное дело, но правда была на стороне Семена. Были исполнены все ритуалы. Естественно, ни кто извиняться не пожелал, стычка была неизбежна. Болховской ринулся в бой, но Семен тут же рассек ему рубаху, не прикоснувшись к его коже. Это остудило Болховского. Как и предполагал Семен, Болховской прекрасно фехтовал. Тут было нужно время, что бы утомить его. Семен давно уже мог проткнуть грудь соперника своей шпагой, но он упорно ждал своего часа. Друзья его ни как не могли взять в толк, почему он так долго возится с этим кавалергардом. За это время можно было уже отпеть Болховского и выпить за упокой его души, но они не знали о разговоре Семена с Шереметьевым. Но вот и настало время Семена. Он уклонился от выпада нападавшего и ловко полоснул его по ягодице, рассек панталоны и кожу. Так он сделал еще несколько раз. Все удары ложились пониже спины. Когда ему и это надоело, то он воткнул шпагу в бедро Болховского. Тот попытался ответить ударом в грудь и не миновать Семену пропущенного удара, он, даже почувствовал кончик шпаги на груди своей, но у Болховского подкосилась раненая нога, и он встал на одно колено. Убивать его Семен не стал. Он воткнул свою шпагу в землю и подал руку Болховскому.

– Полно князь, хватит крови. Это не шампанское виновато, что мы с вами на дуэли деремся. И мой вам совет. Научитесь выбирать друзей. Друг, это не тот, кто вам дифирамбы поет, а тот, кто в нужное время плечо и руку подставит. Запомните мои слова князь. Будьте здоровы.

Их пути надолго разошлись. Вот так остались и волки сыты и овцы целы. Некоторое время, еще ходили разговоры про эту дуэль, многие настаивали, что Семен не имел права дарить жизнь Болховскому, ну, а когда узнали о помолвке Семена, то всем стало понятно, почему Семен помиловал Болховского. Вскоре Семен венчался с Ольгой в полковой церкви. Поздравление пришло, даже и от Императрицы. После венчания Ольга сказала своему мужу.

– Я вас любить буду всю свою жизнь. Обещаю.

И она сдержала свое слово. В браке Семен был счастлив. Первой родилась дочка Анастасия. Двух сыновей Андрея и Павла, она подарила ему в следующие три года супружества. Семен побывал в нескольких стычках на границах России, и жизнь в Петербурге его была размерена и однообразна. Он часто ездил к отцу в имение в разгар охоты. Борзые, как и для всех Волковых, и для него были не просто собаки, а страсть и смысл жизни, не считая, его любимой жены Ольги. Для нее он был готов на все, это она сама решила его судьбу. Но, Ольге ни чего такого не было нужно. Да, она танцевала на балах и веселилась, как могла, но она была предана душой и телом своему мужу, что не очень было принято в то время. Хотя, кто знает, будь ее супругом не Волков, а кто-нибудь другой, может, и ухажеры бы появились. Семен мало обращал на это внимание. Он доверял жене всецело. Вот тут и зашевелились турки, подстре-

каемые англичанами. Семен засиделся на месте. Ему уже за тридцать пять, а он совсем недавно получил звание штаб-майора и командовал батальоном гусар. Он и попросился на войну, хотя Лейб-гвардии гусарский полк держали в резерве.

– Стану полковником, потом можно и в отставку. Пора борзыми заниматься.

Так рассуждал Семен. В этот год и отец его скончался. Лихо умер старик, в седле на лошади, гоня по полям зайцев, настигла его смерть. Если любишь борзых, надо и умереть как настоящая борзая в поле, так говаривал его отец, так и получилось в жизни. Перед самым отъездом из Петербурга жена его была с ним очень ласкова. Ночь прошла у них как в молодые годы, только все мягко было и нежно. На рассвете Ольга обняла мужа.

– Ты знаешь Сёмушка, я так счастлива с тобой. Я беременна. Ты хотел еще одного сына, так я тебе подарю его. Бабки сказали, что родится обязательно мальчик. Как назовем его?

– Олюшка, нас с тобой венчал светлейший князь Меньшиков, я с Болховским поспорил из-за него. Давай назовем сына Александр, а если девочка родится, то и это не большая беда, Александрой будет. А я тебе обещаю живым из похода вернуться. Я сам на войну напросился со своим батальоном, жаль не знал, что ты беременна. Так бы в отставку и попросился бы.

– Знаем мы вас Волковых. Чуть где полыхнет, а вы уже впереди скачите. Вон сколько ваших погибло. Все твои три брата полегли на войне, я уже не вспоминаю о дядьках и прадедах. Побереги себя Семен. Я тебе ладанку серебряную с Николаем Чудотворцем приберегла. Прими от меня любимый.

Ольга надела на шею Семена серебряный медальон и крепко поцеловала его в губы.

– Поезжай любимый, а я в имение поеду, нечего мне одной в Петербурге делать, там буду рожать. Дело не новое. Бог даст, все будет хорошо.

III

Вот так по-доброму они и расстались. Думали на время, а оказалось на всю жизнь. На пороге дома Семена Андреевича уже ждал его преданный слуга, он же и денщик, он же и мать с отцом, Аким. Столько лет вместе было проведено. Не раз Аким выручал своего хозяина из переделок, да и Семен однажды вынес Акима с поля боя раненого, не бросил в трудную минуту своего денщика. Отслужили молебен в полковой церкви и отправились в путь. Гусар золотом сверкает только на балах. Пока добирались, в общем-то, и война окончилась. Петр Александрович Румянцев постоянно бил турок, несмотря на их превосходство в количестве солдат. Так, турки немного огрызались, хотя, капитуляция их была неизбежной. Нужно было взять последний рубеж, побить турок при Рябой Могиле и выйти к Дунаю. Генерал Румянцев собрал все командиров на военный совет. Семен не был генералом, и ему на совете было делать нечего, но и он был приглашен туда. Отдельный гусарский эскадрон был самостоятельной боевой единицей и подчинялся напрямую главнокомандующему. Был подробно изложен предстоящий план баталии. Он был безупречен, и судьба турок была решена, несмотря на большое превосходство турок в живой силе и количеству пушек. Весь смысл плана генерала Румянцева сводился к тому, что бы имитировать лобовую атаку, а самим ударить во фланг противнику. Только таким способом можно было выиграть эту баталию над превосходящими силами противника. На пушки турок должен был пойти пехотный полк. Много русских солдат сложили бы голову на этом поле брани. Семен подождал, когда все разойдутся и попросился на прием к генералу Румянцеву.

– Что там у тебя штаб-майор? Докладывай скорее, у меня дел спешных много. Знаю, зря меня не потревожишь.

– Ваше сиятельство. Ваш план баталии превосходен.

– Говори по делу, что план хорош я и без тебя знаю.

– Очень жалко пехотный полк. Погибнут ребятки.

– Сам знаю, но выхода у нас другого нет. Если не погибнут эти, то погибнет гораздо больше солдат, а я государыне обещал выиграть это сражение и принудить турок к миру и дать

нам спокойно выйти к Черному морю. Для России это глоток свежего воздуха. После этого нам будет многое подвластно в этом регионе.

– И я об этом ваше сиятельство. Просто у пехоты мобильности нет. Турки по ним вжарят и она вся заляжет, а если и пойдут вперед, то и перебьют их всех шрапнелью. Тут мобильность нужна. Я с конными буду имитировать атаку, а как турки начнут палить из пушек, то мы рассеемся по полю. Потом соберемся и опять атакой на них пойдём, и так будем делать все время. Турки поймут, что мы их провоцируем и перестанут палить по нам, вот тогда я на штурм и пойду.

– Так у тебя эскадрон, что они не увидят, что это провокация. Не поведутся на тебя турки и одним эскадроном их не взять.

– А вы мне драгун подкиньте немного, вот я с ними и упрусь в турок. А пехотный полк вам и самому пригодится.

– Идея хорошая Семен Андреевич.

Как только Волков услышал, что его Румянцев назвал по имени отчеству, то сразу и понял, план его принят.

– Меня одно беспокоит. Ты Волков, значит сразу, и попрешь на турок сломя голову. Я вашу чертову породу знаю. Вон как глаза огнем горят. Договоримся так. Действуешь строго по плану. Дразни турок, но не более. Когда мы ударим во фланг, поступай по обстановке.

– Пойдем в лоб на пушки, тогда лишь, когда вы ударите им во фланги. Долго не устоят. Обедать будем на их редутах.

– Все толково Семен Андреевич, но ведь побьют же вас всех. Там пушек много.

– Бог не выдаст, свинья не съест. А вы там поднажмите, не дайте пропасть. Пусть открывают, по нам канонаду. Вы их сильно придавите, вот тут я и ворвусь со своим отрядом на их позиции. Сразу белый флаг поднимут. Мы русские воины и за нами победа.

– Только голову свою не сложи, жаль будет, если тебя убьют. Драгун я тебе дам. Ступай Семен Андреевич с Богом. На рассвете выступаешь.

План Семена был принят. Всем хотелось быстрее отправиться домой. Семен собрал приличный эскадрон и изложил задачу. Ночью войска выдвинулись на установленные рубежи. Все шло по плану. На рассвете Семен повел эскадрон в атаку. Турки начали палить из пушек раньше времени и беспорядочно стреляли. Как только эскадрон попал в поле деятельности орудий, он рассеялся по полю и вновь собрался в лощине. Таких атак они провели несколько и турки успокоились и больше не верили, что русские пойдут в лоб. Была слышна канонада на флангах. Что-то не все получалось у русской армии, видимо турки и на флангах хорошо укрепились. Вот тут Семен и повел свой эскадрон прямо в лоб и на пушки. Приказ был один, вперед на врага. Турки и в этот раз подумали, что это имитация атаки, но когда поняли, что это серьезная проблема, то было уже поздно. Эскадрон ворвался в расположение вражеских войск с не большими потерями. Конь Семена первым перепрыгнул укрепление. При панике врага воевать легко. Сабля Семена рассекала воздух и врагов со свистом. А вот откуда прилетела шальная пуля Семен и не понял. Она вышибла его из седла, пробив грудь справа, чуть ниже ключицы. Удар о землю на скаку он ощутил, но не было так больно, скорее всего, он потерял сознание на некоторое время. Когда очнулся, то увидел над собой турецкого офицера, но почему-то лицо у офицера было европейским. Холеное и гладко выбритое лицо выдавало в нем англичанина. Глаза их встретились. Офицер, как-то по-звериному оскалился и оглянулся. Со словами, русская свинья, вонзил свою шпагу в область сердца Семена. Тут на англичанина налетел Аким. Он своей пашкой рассек лицо англичанина, но добивать офицера он не стал, Аким увидел окровавленного хозяина и бросился к нему.

– Аким, не суетись, жив я еще пока, спокойно ответил Семен. Моя жена Ольга спасла меня от смерти. Подлый удар англичанина приняла на себя ладанка. Шпага скользнула по меда-

льону и пробила мне ребро. Вот это больно сильно. И ты глянь на пулевое ранение, там наверняка серьезнее будет. перевяжи меня, а там видно будет, может, и поживем еще.

Аким попытался расстегнуть китель хозяина, но руки его не слушались. Ножом оказалось легче это сделать. Добротное сукно легко подалось острому лезвию.

Пулевое ранение было на вылет, но крови было мало, а вот ранение от шпаги Акиму показалось серьезнее, из раны хлестала во всю кровь. Аким не знал анатомии и не мог ее знать. Была повреждена межреберная артерия, и как помочь своему хозяину, он не знал. Он изорвал всю свою рубаху на бинты и как смог, перевязал хозяина. Семен всего этого уже не видел. От потери крови и шока он потерял сознание.

Русская армия одержала полную викторию. Было еще несколько побед Русской армии, при Ларге и Кагуле. Турки бы давно смирились с поражением, но их все время подстрекали англичане. Никакого смысла не было драться при Ларге и Кагуле, военная компания была проиграна уже при Рябой Могиле. Русская армия вышла на Дунай к Черному морю. Успешным наступлением на Шумлу, Турция была вынуждена заключить Кучук-Кайнарджийский мир. За эти победы граф Петр Александрович Румянцев был удостоен почетное добавление к фамилии – Задунайский. Князь Семен Андреевич Волков был награжден Георгиевским крестом первой степени. Весь его батальон получил награды и медали. Батальон вернулся на свои квартиры в Красное село, но без своего командира.

Долго, очень долго выздоравливал Семен. Сегодня и Пушкина вылечили бы, а вот тогда и медицина была другая. Большая и мало восполнимая кровопотеря мучила больного. Аким с радостью бы отдал барину всю свою кровь, но тогда это не практиковалось. Потом, и пневмония присоединилась ко всем бедам. Семен постоянно впадал в забытье, которое длилось несколько суток. Доктора давно махнули рукой на жизнь Семена, но он к удивлению для всех не умирал, а цеплялся за жизнь. Чуда не произошло, скорее всего, крепок организм был у Волкова и мало-помалу он пошел на поправку. Раны затянулись, только по вечерам мучил сильный кашель и лихорадка. Поутру, Семен позвал Акима.

– Пора Аким домой собираться.

– Да, как же это так барин, вы еще совсем слабы. Не довезу я вас до дому. С недельку еще бы вам полежать в лазарете.

– Нет, Аким, поедem завтра, как расцветет, так и тронемся. Ищи карету для меня, телега, так же подойдет.

Воля барина для Акима была священна, но крестьянская мудрость подсказывала ему, что рано еще трогаться в путь и он решил долго искать телегу с лошадьми. Когда человек счастлив и здоров, то и известия приходят хорошие, а как болен, то хороших вестей и не жди. В лазарет пришло два письма. Одно для Семена, другое для Акима. Аким получил почту и сел читать письмо от жены.

– Милый мой Акимушка, преклоняюсь к ногам твоим мой господин. Как долго же я тебя не видела. Слава Богу, жив и письмо я от тебя получила. Хвала твоему уму, что заставил меня учиться грамоте, теперь мне это сильно пригодилось в жизни и могу тебе поведать о своем житие. Детки здоровы и кланяются тебе в ноги. У нас все хорошо. Ждем своего хозяина в дом. Истосковалась я по тебе любимый мой. Теперь поведаю о плохом. Большое горе у нас. Барыня то наша в родах померла совсем. Уж и не знаю, как известишь ты барина об этом. А все началось по глупой случайности. Из города привезли газету «Русский инвалид», где было пропечатано, что наш барин погиб. Барыня как прочитала такое, сразу в обморок упала, и у нее начались преждевременные роды. Я послала в город за доктором, но пока он приехал, бабка Пелагея приняла мальчика. А вот, кровотечение у барыни остановить не смогла. Что только не делала. И травами лечебными поила и молитву читала, а кровь продолжала истекать, так и померла, не дождавшись доктора, хорошо, хоть исповедаться, успела Отцу Михаилу. Слава Богу, мальчонка жив остался. Как и просила барыня, нарекли его Александром. Кормилицу я нашла

хорошую. Баба чистая и молока много. Ребенка забрала в наш дом и ни кому его не отдам, пока ты с бариним не вернешься. Доктор приехал на следующий день, но он уже не был нужен. Единственный толк был от него, он привез новую газету, где было написано, что наш барин жив и находится в лазарете. На том кланяюсь тебе в ноги. Вечно твоя жена Марья.

Аким не знал, что и делать ему. Рассказать барину о смерти жены, так кто его знает, чего и случиться может. Решил подождать и не отдавать письмо, а вскрыть его самому, побоялся. На следующий день они в дорогу не отправились. Лишь через три дня, когда Семен смог сам встать с постели, они отправились в путь. Всю дорогу Аким молчал и боялся посмотреть барину в глаза, это и выдало его.

– Аким, что-то ты совсем не весел. Радоваться надо. Домой живые едем. Поди, твоя милая истосковалась по тебе. А ну, говори, почему нос повесил?

Аким, молча, вынул из-за пазухи конверт и протянул его хозяйину.

Семен разорвал конверт. Казенная бумага. Приказ по выздоровлению явится в полк.

– Э, нет Аким, не из-за этого ты от меня глаза-то прячешь. Я тебя знаю хорошо, столько лет рядом. Ты ни когда глаз не опускал. Говори, что случилось и не утаивай ни чего.

Аким и тут ни чего не сказал, а протянул барину письмо жены. Семен прочитал послание, и сердце воина сжалось. Вот жизнь. Сам выжил, а жену потерял. Скупая мужская слеза скатилась из его глаза. Кибитка ехала медленно, и попутчики молчали. Только возле небольшого городка, который показался вдали, Семен заговорил.

– Почему же ты Аким молчал все это время. Надо было сразу все сказать.

– А, что говорить барин? Случилось то, что случилось. Бог дал и Бог взял. Днем раньше, днем позже. Нам почитай целый месяц до дома добираться на такой скорости, куды торопиться-то. За мальчонку бояться не надо, Мария за ним смотреть будет лучше, чем за своими детьми. Надо ехать в Петербург, там вас ждет награда и звание полковника. Жизнь продолжается.

Ничего не сказал Семен. Аким сказал мудрые, хоть и жестокие слова. Да, жизнь продолжается. Тут Семен задумался, а ради чего, он собственно жил? Для жены, нет. Для детей, нет. Для наград, и на этот вопрос был отрицательный ответ. Его одолевала тяжелая философия. А может предаться тяжким грехам и гоняться за смертью? Так я только и делаю, что от смерти бегаю. Вон, она рядом с косой ходила, а душу мою и не забрала. Ладно, оставим на потом эти мысли. Жизнь покажет, куда кривая ее заведет.

Начались бескрайние степи. Солнце припекало, но Семену жарко не было. Вдали показалось какое-то становище кочевников. Тут и Аким удивился.

– Интересно, откуда тут появились кипчаки или татары? Не должно их тут быть. Когда ехали на войну, так и не видели.

Они подъехали к юрте. Рядом паслось стадо баранов. Их встретили приветливо. Накормили, с расспросами не лезли. Семен лежал в юрте, а Аким вышел прогуляться. Через некоторое время Аким вбежал в юрту. Его глаза горели огнем.

– Барин, я такое сейчас увидел, диву дивиться можно. Давай помогу встать, сами поглядите.

– Ты что Аким архангела Гавриила увидел, что так у тебя глаза горят?

– Нет, барин, еще лучше.

– А, что может быть лучше-то?

– Да, поднимайтесь быстрее.

Семен возле юрты увидел лохматого пса, больше похожего на волка и отдаленно напоминавший борзую.

– Ну, объясни мне Аким, так чего ты такого увидел? Обыкновенный убудок, где-то сука с волком нагуляла, и чего теперь с ним делать?

– Эх, ваше сиятельство, ваше сиятельство. Да, вы лучше рассмотрите собачку-то. Настоящий степняк, настоящий злобач – волкодав. И еще раз настоящий.

– Да ты что Аким, если мы такую собаку привезем с тобой, нас же все засмеют.

– А зачем ее показывать кому то. Мы под него Лукавую подложим, та из-под кого хочешь, красавцев народит. Сука красивая до полного безобразия, когда она в течке все кобели с ума сходят, так охочи до неё. И этот лохматый будет бегать за ней как цуцик.

– А куда же мы его денем, мы же не в имение, а в Петербург едем.

– Да, по дороге же все. На развилке найдем извозчика, тот его мигом к моему отцу доставит в целости и сохранности. Мы же в Петербурге долго не задержимся. Вам отпуск по ранению полагается.

– Хорошо Аким, попробуем.

Семен обратился к хозяевам.

– А откуда у вас эта собака? Вроде не пастушья.

– Прибилась к нам в прошлом году. Жрет много. Хотели пристрелить, а потом пожалели. Она зайцев и лис ловит, иногда мышкует, как лисица, тем и кормится. Бывает и мы ее подкармливаем.

– Продайте собачку, я вам за нее серебряный рубль дам.

Хозяин стойбища сильно удивился.

– Не может такая псина стоить столько денег. Берите даром, если так уж вам нужна эта собака. От нас не убудет.

Аким услышал такие слова и тут же схватил веревку и побежал за собакой. Пес сверкнул глазами и зарычал, отойдя в сторону. Аким к нему, пес в сторону с оскаленной пастью.

– Подожди Аким, не горячись. Так ты его не поймаешь. Он тебя погрызет и в степь убежит. Тут лаской надо.

Семен попросил кусок мяса у хозяев. Медленно подошел к собаке и протянул руку с привадой. Собака облизнулась и села рядом с Семеном, но к мясу не притронулась.

– На, бери, ешь бродяга, и поехали с нами. Там ты будешь сыт, и в жены Аким хочет отдать тебе Лукавую. Поверь мне собачина, она прекрасна и ты будешь без ума от нее. Прямо не сука, а Шемахинская царица.

Собака встала, слегка вильнула хвостом и взяла мясо из рук Семена. После этого Аким спокойно повязал канат на шею собаки. Семен пошел в юрту спать, а Аким уже ни на секунду не покидал собаку. Утром они собрались в дорогу. Семен поблагодарил хозяев и напоследок сказал.

– Спасибо вам за хлеб, соль. Не хотели продать собаку, вот вам империял за гостеприимство. Не взяли серебро, будет вам и золото. Этих денег вам хватит, что бы купить еще десятка два баранов и счастливо пережить зиму. Будьте здоровы.

Аким собаку кинул в кибитку к барину, сел на козлы и они поехали дальше.

– Аким, а на кой ты мне собаку засунул в кибитку. Пусть рядом бежит, она же привязана. Куда ей деваться?

– Встанет заяц по дороге, так эта шельма и канат порвет и деру даст. Пусть прокатится и привыкает к новой жизни. Небось, ни когда на телеге еще не ездила.

Так они и ехали долго, долго. Вот и большие города появились. В одном из городов Семен решил заехать к родственнику жены, тот был генерал-губернатором. К вечеру подъехали к его дому. Вид у ездовых, скажем прямо, был не ахти какой, особенно у Акима. Разбойник, да и только. Аким вскочил на крыльцо и позвонил в дверь. Вышел важный лакей в ливрее. Он как увидел Акима, так тут же и произнес, не удосужившись узнать по какой надобности просятся к генерал-губернатору.

– Их сиятельство распорядились ни кого не принимать. Приходите завтра.

Аким тут же возмутился.

– Да, ты что болван, на каторгу захотел. Ты посмотри, кто приехал. Быстро доложи хозяину, что к нему приехал его сиятельство и кавалер штаб-майор Волков Семен Андреевич. Мигом.

Такие слова на кого хочешь, подействуют, хотя лакей заставлял ждать и генералов. Не бегом, но достаточно быстро лакей доложил.

– Там бандиты в гусарской форме к вашему сиятельству просятся. Говорят-с, что его сиятельство, штаб-майор Волков Семен Андреевич.

– Быстро проси их в дом.

Лакей спустился в низ, но губернатор не выдержал и сам пошел на встречу.

– Ах, Семен Андреевич дорогой, сколько лет, сколько зим, запричитал он. Какими судьбами. Я и не чаял вас увидеть.

– Да, вот так Лев Георгиевич, проездом я. В Петербург еду. А, то, что вид разбойника у меня, так ведь с войны еду.

– Наслышан, наслышан. Все знаю. И о горе твоём и о твоих ратных успехах. Сейчас я об ужине распорядюсь, да, и привести себя в порядок вам бы не мешало.

Он позвонил в колокольчик. Появился другой лакей.

– Живо накрыть на стол и самые лучшие блюда, что остались после ужина. Ванну, чистое бельё и парикмахера, живо.

Аким, так же помылся, его разместили в людской, хорошо накормили и уложили спать, а господу, после того как Семен привел себя в порядок и поел, остались беседовать.

– Жалко Ольгу, царствие ей небесное. Я знаю, как ты любил ее. Что поделаешь, такова жизнь.

– Да, Лев Георгиевич, что поделать. Хотела она мне еще одного сына подарить, вот и сдержала обещание. Не будем о грустном. Что нового в Петербурге? Я действительно одичал. Сам добираться в Петербург. Мой батальон давно ушел на свои квартиры. Меня и в газетах похоронили. Приеду в Петербург и набью морду издателю, это же из-за него такое вышло с Ольгой. Жаль на дуэль вызвать его не могу. Он бы мне за все заплатил.

– Издатель тут не причем. Это в военном ведомстве все перепутали. Было написано при смерти, а вот писарь и написал, умер. Я узнавал об этом случае. Писаря наказали. Ты Семен Андреевич в Петербург не торопись. Поезжай-ка ты домой, в имение. Отдохни. Смотри, какой бледный, и круги у тебя под глазами. Устал и навоевался.

– Не девица я красная, чего мне миловаться. Да, и Ольги нет. Побуду немного в Петербурге, получу свой крест на шею, еще одного Георгия мне дали. Надену свой новый полковничий мундир и можно в отставку и домой в имение. Займусь своими борзыми, давно я об этом мечтал.

– Не хотел я тебе об этом говорить, думал, сам узнаешь. По-родственному тебе поведаю, смотри не выдай меня. Мне из военного ведомства рассказали по большому секрету. Представили тебя к ордену и полковнику. Ваш же полк за великим князем числится, на сколько, я знаю, вот князь и явился к императрице. Чего-то там ей сказал. Императрица взял свой указ, задумалась и потом начертала. Полковника не давать, награду оставить, заслужил. Потом от себя добавила.

– Я дядя вас всегда слушала, а теперь, только наполовину. Волков награду, действительно заслужил. Бастион так лихо взяли благодаря его смелости. Я бы ему и генерала пожаловала, жаль, что вы его недолюбливаете.

– Видишь, Семен Андреевич, ты у императрицы в чести. Жаль ты с великим князем заелся, и было бы из-за чего, подумаешь борзые. Ну, лучшие они у тебя, так держи язык за зубами. А так, вот чего вышло. Теперь, когда еще полковника получишь.

– Ничего, прорвемся Лев Георгиевич. Мой предок завещал. Никогда не гонитесь за званиями и наградами. Служите России и награды и звания сами вас найдут. Не я, так сын мой

Александр станет генералом. Я его выучу всему. Ольга будет гордиться своим последышем. И назвал я сына в честь Александра Даниловича Меньшикова. Вот так, мой дорогой родственник.

– Все у вас Волковых не так. Назвал в честь Меньшикова и, слава Богу. Зачем трубить на весь мир в честь кого. Тихо сиди себе в Петербурге, глядишь, и генеральский мундир еще успеешь примерять.

– В честь, это значит честь, а она у меня одна Лев Георгиевич. Других новостей нет? Да, и ладно. Я у тебя погощу денек, надо, что бы лошадь отдохнула. Потом и тронемся до самого Петербурга, тут уже недалече.

– Да, живи, сколько хочешь, ты мне не мешаешь. Скучно тут у нас, а так будет с кем поговорить и скоротать вечерок. Жаль баньку истопить тебе не могу, в городе живем. Тут у нас ванна. Свою кибитку оставь у меня. На таких как ты приехал, только, злодеев на каторгу в Сибирь возят. Перепугал моего лакея на смерть. Я тебе приличную коляску дам и лошадок хороших. Сейчас ты мне про своего Акима петь начнешь. Будь спокоен, он будет накормлен и получит, чего захочет. Знаю я, как ты его любишь и дорожишь им. Только, уж прости, в людской он жить будет. Он холоп, а я князь. Да, совсем забыл. Можешь обрадовать Акима. Ему второго Георгия дали и чин унтер-офицера. Так, что он уже свободный от крепостного права, а так же жена и дети его. Так, что повезло ему. Теперь ты ему и не хозяин, а просто, ваше высокоблагородие. Повезло мужику. Свобода.

– Зря вы так Лев Георгиевич. Ни чего ему не повезло, он своей службой родине заслужил вольную. А от меня он ни куда не уйдет. Я ему сам вольную предлагал, так не захотел вовсе. Ладно, ваше сиятельство, пошел я спать. Устал сильно.

Через день, на новой повозке они отправились в Петербург. Вот по дороге Семен и решил обрадовать Акима.

– Слышь Аким, теперь я тебе не хозяин. Вольный ты.

– А на кой мне эта воля, что я там буду делать? Мне и при вашем сиятельстве прекрасно живется.

– Так это не я тебе волю дал, ты ее сам себе заработал. Тебя вторым Георгием наградили. Приедем в Петербург, получишь награду. Там и пенсия тебе пожизненная полагается. Я тебе добавлю денег, купишь себе квартиру в городе, лавку откроешь. Может, и купцом станешь. Ты же грамотный и башковитый. Дети учиться будут. В люди выйдешь. Сколько можно за сохой ходить?

– Ну, за сохой мы отродясь не хаживали. Поздно мне барин на волю выходить. Останусь при вас, вы же, как детё малое без меня пропадете. Барыня Ольга скончалась, царствие ей небесное, кто за вами уследит. Да, и за борзыми кому-то присматривать надо. Люблю я это дело. Нет, с вами останусь. А дети вольные, так это хорошо. Не продадут их в рабство. Прощка вырастит, вот будет, кому за Александром присматривать. Вы же его обязательно запишите в гусарский полк. У вас династия и у нас династия.

Вот так они и доехали до развилки. Все как в сказке. Направо поедешь, домой попадешь, прямо поедешь, в Петербург заедешь. Семен смотрел в облачное небо и думал, куда ему свернуть.

– Все барин, надо на постоянный двор захватить. Лохматого отдать извозчику, пусть его в имение везет. А нам прямо. Через пару дней будем в Петербурге.

– Аким, ты торопишься получить свою награду?

– А куды торопиться-то. Успеем.

– Вот и я так думаю. Поворачивай направо, поехали домой. Баньку истопим. Выпьем водочки. Родная сторона. Раны быстро заживут и телесные и душевные. Поворачивай.

Вот и дом родной. Ничего лучше нет для русского человека, как вернуться домой после долгого пути. Барина встречали с радостью. Волковых искренне любили их крепостные. Они

относились к ним как к людям, а не как к рабам. Генетическая память помогала им в этом. Сами были рабами и хорошо знали, каково на Руси быть крепостным. Большим оброком свои вотчины не облагали, а если была нужна их помощь крестьянам, то и помогали всегда. Голода в имении Волкова ни когда не было. Да, были неурожайные годы, что поделаться, такова природа, бывало и впроголодь жили, до следующего урожая, но, что бы совсем оголодать и есть лебеду, такого отродясь не было. Семен Александра принял из рук Марии. Хороший ухоженный светловолосый карапуз, с голубыми глазами, как у Ольги. Потом сходили на погост, и Семен поклонился могиле жены. Заказал заупокойную службу. Да, и сам помолился. Не часто он это делал. В бане парился долго, до самого вечера. Хорошо поужинал, выпил водки и лег спать. Утро вечера мудренее. Будет утро, будет и жизнь. Поутру выслушал доклад старосты, что и как в поместье, сделал распоряжения по хозяйству и отправился на псарню. Аким уже там хлопотал со своим отцом. Барина, как и положено, встретили с поклонами.

– Хорош Аким кланяться. Говори, чего удумали делать с Лохматым.

– Так все и решили, как и уговаривались. Лохматый успел сволочуга гончака удавить. Как тот сподобился выскочить на Лохматого, так и не понятно и сечь за это не кого. Скорее я сам не доглядел. Лохматый знает дело крепко. Сразу в глотку взял. Вот и мой папаня говорит, что это степняк, злобу нашим собакам даст и Лукавая все выправит. Первый помет ни кому показывать не будем. Кобелей оставим, сук утопим. До семи месяцев продержим и посмотрим, что к чему. Не нужных придется отстрелять, их в развод пускать будет нельзя, а для охоты у нас собак хватает. Бог даст, пару кобелей оставим. Если в этот раз ни чего не получится. Повторим вязку с Лукавой и Забаву добавим. А вот чего дальше с Лохматым делать я и не знаю. Жалко будет его отстрелять. По волку будем пускать, если выживет, то и на пенсию отправим, будет на псарне свой век доживать, может, когда и сгодиться. Хотя какая жизнь на псарне без охоты для такого бродяги, посмотрим, может, и за реку отправим. Как Семен Андреевич, подходит?

– Тебе виднее Аким, ты со своим отцом толк в борзых знаешь.

Забегая вперед, скажу. Вот так, через несколько поколений и появился Злыдарь. Выдающийся волкодав. О нем потом еще долго легенды ходили.

Семен Андреевич вышел в отставку. Сил много. Занялся обустройством своего хозяйства. Душевные раны затянулись, думал и телесные зажили, ан, нет. В начале осени, после травли зайцев почувствовал удушье, стал покашливать, а как пошли дожди, то и все старые раны завыли. Ни баня, ни растирания медвежьим салом не привели к должному успеху. Пришлось звать доктора. Старый немец долго осматривал Семена.

– Ну, что сказать вам ваше сиятельство, все не так плохо, как я думал. Простреленная верхушка легкого дает о себе знать. Тут время надо и хорошо бы сменить климат, хотя бы на год. Отдохнете хорошо, погрееетесь на солнышке, подышите морским воздухом. Все и пройдет. Раны будут болеть к перемене погоды, но и это при нашем климате. Поезжайте-ка вы лучше в Италию, Капри, Неаполь. Можно и в Испанию. Дивные места. Вы человек не бедный. Через годик вернетесь и будете как новенький. Мне больше нечего вам предложить. Такие как вы живут долго, если их пуля минует, дай-то Бог не встречаться с этой пулей. В вашей породе одна проблема, пуля или шпага. Будьте здоровы.

Семен рассчитался с доктором и послал за Акимом.

– Собирайся Аким, поедem в Италию. Я тебе Рим и Неаполь покажу. Не бывал там, но говорят красиво. Море увидишь теплое и Колизей. Там бои гладиаторов проводили. Если по простому, то люди бились на смерть в присутствии большого количества зрителей.

– Прости меня барин, не поеду я с тобой на чужбину. Если бы на войну, то это другое дело. Дома дел невпроворот. Собаками надо заниматься, снег выпадет, волков травить надо. А вы поезжайте на пару месяцев, отдохните. Приедете, все будет готово.

– Так доктор говорит, что бы я на год уехал.

– Да, много ли они знают эти доктора, особенно немцы. Баня и охота вас быстрее на ноги поставят. Дожди пройдут, дышать станет легче, и раны перестанут болеть. Бабенку вам надо хорошую, такую, что бы кровь с молоком, как моя Марья, все и образуется. Такая как полюбит, так и вся хворь долой. У меня, так же бывает, заболят раны, я и к Марье сразу под бочек. Она приласкает, у меня душа радуется и хворь долой.

– На счет бабенки, то тут ты прав. Не хочется ни кого обижать в имении. Я же не султан турецкий и гарем мне не к чему. А так, вдовы молодухи у нас и нету. Жениться я не хочу. Приеду из Италии, и решим эту проблему. Раз не хочешь со мной ехать, поеду сам. Приеду к первому снегу. Что бы и охота была.

IV

Вот так Семен уехал в Италию. Русского люда в Италии было много. Кто с женой, кто с любовницей путешествовал, Семену не интересно было с ними. Было и несколько интрижек с итальянскими женщинами, как без этого, но итальянки в постели ни чем его не удивили. Семен затосковал и решил переехать в Рим. И тут опять жизнь дала виток. Семена пригласили на прием. Он ехать не хотел, но одна итальянская графиня построила ему такие глазки, что он решил отправиться на бал. Хотел пойти в цивильном платье, но если покорять сердце женщины, то тут без гусара не обойтись, вот он и надел свой мундир со всеми наградами. Графиня встретила его приветливо и восторженно, ее сердце было покорено, пока муж ее находился в отъезде. Неделя любви была прекрасной и романтической. В Италии принято заранее предупредить жену о своем возвращении, так было и на этот раз. Графиня как появилась, так и исчезла. Долг жены повелевал ей быть рядом с мужем, но Семен не расстроился. Погулял и хватит. Пора ехать домой. Охота ждать не будет. Он получил письмо от Акима. Волки есть и их много, а самое главное, что все рядом. Далеко ездить не придется. Семен уже паковал чемоданы, когда ему лакей принес записку от графини.

– Милый Семен, я знаю, что вы покидаете Италию и уезжаете к себе в Россию. Завтра бал у одного моего знакомого. Прошу вас останьтесь еще на один день, я хочу проститься с вами. Такого мужчины как вы у меня ни когда не было. Приглашительный билет в конверте. Навеки ваша, Вики.

Ну, что ж, один день не решает всех моих проблем, подумал Семен. Простимся с Вики, может она еще и подарит мне одну ночь любви. Замечательная женщина. Она умеет любить мужчину и выдумщица такая, совсем без всякого табу в любви. Я и не думал, что такие ласки бывают. Если заведу себе забаву в имении, обязательно выучу ее всем этим приемам, хотя наши бабы могут и умереть со стыда.

На этот раз он одел фрак. На бал явился вовремя. Графиня встретила его приветливо. Семен поцеловал ей руку, а она шепнула ему на ушко.

– Муж уехал, приедет только завтра. Эта ночь ваша.

– Благодарю мадам. Вы прекрасны, я без ума от вас и ваших ласок.

– Все гусары обольстители, и графиня, опять лукаво взглянула на Семена.

Семен взял графиню под руку и вошел в зал. А вот тут произошло то, что произошло. Он буквально нос к носу столкнулся с англичанином. Не узнать его Семен не мог, да, и шрам на щеке, оставленный саблей Акима, тому подтверждение. А, вот англичанин ни как не мог узнать Семена, да и запоминать его лицо ему было ни к чему. Он точно бил в самое сердце. Семен схватил англичанина за горло. Тут он сильно пожалел, что не был в мундире и при шпаге. Он бы его сразу и проткнул ею. Англичанин сильно завизжал, ничего не понимая. И тут ему Семен все и напомнил.

– Я тебе дам английская сволочь, русская свинья. Свинья это ты. Как можно бить офицера шпагой в грудь, когда он лежит раненый у твоих ног. Что не узнал меня? Да, я тот русский офицер, который разбил турок, у которых ты негодяй служил. Жаль, со мной нет шпаги, я бы тебя сейчас отправил в преисподнюю.

Семен еще продолжал ругаться, но англичанин и так все понял. Присутствующие притихли. Для большего эффекта и, что бы англичанин ни смог увернуться от дуэли, Семен отхлестал его по щекам.

– Я вас вызываю на дуэль, любым оружием и где будет вам угодно. И не вздумайте скрыться, я вас найду и на морском дне.

Англичанин долго приходил в себя, от такого напора Семена. Теперь он не мог уклониться от дуэли. Все было обговорено и назначено место дуэли. О свидании с графиней не могло быть и речи, хотя графиня с восторгом смотрела на Семена.

В десять часов утра Семен был на месте, вскоре и англичанин прибыл. Дуэль началась без объяснений. Шпаги наголо и вперед. Семен давно не фехтовал, он и не мог подумать, что его правая рука не может подняться высоко из-за раздробленной ключицы. Англичанин фехтовал не плохо, школа была хорошей, но у Семена была воля, возможно и лучшие учителя, но все же, скорее всего он был выше духом и не боялся смерти. Одно дело фехтовать в зале при защитной одежде, совершенно другое дело, когда знаешь, что в любую минуту можно получить укол и не отправится в душевую, а сразу в ад или рай, это кому как повезет. Семен проткнул противника прямо в сердце. Точно туда же, куда и метил англичанин, когда он лежал у его ног раненый. Семен не поклонился убитому, а плюнул ему в лицо и уехал. Нужного удовлетворения не наступило. У Семена появилась тяга, попросту напиться, а утром покинуть Рим. Конечно, будет скандал, по поводу дуэли, но Семен был прав и ни чего не боялся. В нескольких кабачках Семен принял хорошую дозу спиртного, но нужного опьянения не получил. Мозг четко работал, а расслабления не было. Так он оказался на окраине Рима. Зашел в дешевую харчевню, заказал местной виноградной водки и сыр. На небольшой площадке танцевала танцовщица и прекрасно танцевала. Семен удивился, что так может танцевать простая девушка, наверно метиска или мулатка, Семен не разбирался в этом, а вот в танцах он толк знал. Когда музыка окончилась, Семен знаком пригласил девушку за свой столик. Девушка присела возле него. По-итальянски Семен говорил плохо, а на английском и французском девушка не говорила вовсе. Но все же они поняли друг друга при помощи плохого итальянского Семена.

– Вы прекрасно танцуете, я не могу понять, что вы тут делаете.

– Так сложились обстоятельства, мне нужно заработать на ночлег.

– Поехали со мной, я тебе хорошо заплачу и не обижу. Ночь любви со мной, утром ты свободна и с деньгами. Пошли?

Девушка задумалась.

– А вам можно доверять?

– Я офицер и дворянин российский. Я тебя не обижу.

– Я не в этом смысле. Нужно помочь моему другу. Не волнуйся, это не мой любовник. В свое время он меня сильно выручил, когда я была еще совсем маленькой. Сегодня у него беда и мне нужно выручить его. Если ты поможешь ему, я одарю тебя такой любовью, которую ты ни когда не знал и совершенно бесплатно.

Семен этот разговор сильно заинтриговал, да и девушка была прекрасна.

– Так я и не против помочь, только, не знаю, смогу ли. Давай своего друга сюда. И на каком языке с ним общаться?

– Он знает много языков. Вы по-английски говорите?

– Сподобил Господь, разговариваю неплохо.

– Подождите немного, я сейчас его приведу.

Девушка встала из-за стола и поднялась на второй этаж, видимо там находилась небольшая дешевая гостиница. Через несколько минут она спустилась с лестницы, огляделась и подала знак рукой. Потом, подошла к столику Семена и присела на свое место.

– Сейчас он подойдет, сказала она.

Волкова очаровывала эта девушка и захватывала таинственность происходящего. Вскоре появился и ее протеже. Он, опустив голову и не озираясь по сторонам, подошел к ним и сел рядом.

– Добрый вечер, сказал Семен. Я весь внимания.

Иностранец посмотрел Семену в глаза. Да, такой картины Семен никогда не видел. Картина, в полном смысле этого слова. Лицо его нового знакомого было все в шрамах и татуировках. И, что там лицо, руки также были все разрисованы, наверняка и на всем теле не было свободного места от разнообразных картин. Под рубахой, явно выделялся кинжал. Когда он улыбнулся, скорее, оскалится, то заблестели два золотых зуба. Такие лица Семен видел в детстве в книжках о пиратах, но то в книгах, а вот наяву, с таким лицом Семен столкнулся впервые.

– Дагу сказала мне, что вы русский. Русским можно доверять. Были у меня знакомые среди ваших соотечественников, они верные люди и слово свое всегда держали. Меня разыскивает вся полиция Рима. Не буду вам лгать, я убил двух негодяев, поверьте мне, негодяев, хотя тут в Риме они почтенные купцы. Мне бы выбраться из города. Сам не могу, я на полной мели. Дагу вторые сутки тут танцует, что бы прокормить меня и спрятать в этой харчевне. Пока сюда еще не заходили полицейские. Но, если придут, я не могу поручиться, что хозяин меня не выдаст. За меня обещана награда. Вы же видите, с моими приметамы меня легко найти. Если вас интересуют подробности, то это очень длинный рассказ, но я могу вам его поведать, когда выберемся отсюда. Я порядочный человек, поверьте мне, хотя и грехов и жизней за мной числится не мало.

– Я готов помочь вам, но боюсь, что от меня будет мало толка, и я могу привлечь внимание на себя. Сегодня утром, я на дуэли заколол англичанина. Боюсь, что это с рук мне так просто не сойдет. Но я вижу вы в безвыходном положении. Вот вам моя рука. Если погибать, то с музыкой.

Мужчины пожали друг другу руки. Дагу, теперь Семен знал, как звать девушку, ничего не поняла из их разговора, но раз мужчины пожали друг другу руки, значит все в порядке. После некоторого размышления Семен сказал.

– Так, едем в мою гостиницу. Подожди, не перебивай. Я понимаю, что там тебя сразу узнают. Сейчас возьмем извозчика, остановимся у гостиницы, под моими окнами. Я с Дагу пройду к себе в номер. Ты, вроде моей комплекции. Из окна скину тебе свой мундир, сапоги и фуражку. Переоденешься. Зайдешь в гостиницу, опусти голову и быстро поднимайся на третий этаж. Я занимаю все правое крыло. Так ты сможешь пробраться в мои номера. Потом будем думать, что делать дальше. Как, хоть звать тебя пират?

Семен улыбнулся.

– Зови меня Кошта.

– А я Семен.

Мужчины повторно пожали друг другу руки. Кошта, что-то сказал Дагу, на непонятном для Семена языке. Девушка встала и вышла на улицу. Кошта догадался, что Семен не понял, что он сказал.

– Дагу пошла за экипажем. Она скоро вернется.

Через минут десять появилась Дагу и сделала знак рукой. Семен положил на стол несколько монет, и они вышли из кабака. Прыгнули в экипаж, Семен назвал адрес и поехали. Только сейчас Семен понял, что он при хорошем хмельке. Сердце его забилось чаще, и он поехал навстречу новому приключению. Экипаж остановился, немного не доезжая до главного входа гостиницы. На улице было темно, хотя и горели газовые фонари у входа, но темны римские ночи. Дагу взяла Семена под руку, и они проследовали мимо швейцара. Потом из окна вылетела форма Семена. Кошта надел ее, она была ему немного маловата, а вот в сапоги он ели влез, слава Богу, идти было не много. Швейцар так ничего и не понял, он просто остолбенел.

Вроде, только недавно господин Волков проследовал с экстравагантной дамой в свои номера в цивильном костюме, а тут он опять входит в гостиницу, но в военной форме. Кошта слегка оттолкнул швейцара и быстро проследовал на третий этаж. Швейцар перекрестился и промолчал. Бывает и такое наваждение. Господам виднее. Семен в номер заказал еды и вина. А вот чего дальше делать, Семен не знал. Русское авось всегда выручает. Вот на это он и понадеялся. Этот нервный день оканчивался. Они поужинали молча. Кошта ждал, пока заговорит Семен.

– Так друзья мои. Тебя Кошта так просто из Рима не выпустят, лицо у тебя запоминающееся. И куда тебя доставить нужно, или, только из Рима вывести надо?

– В Италии меня все равно найдут. Наверняка уже гонцов послали во все стороны. Возьми меня в свою Россию, я тебе верным человеком буду. Я все умею, если надо, матросом, если надо, то и солдатом. Навоевался я за свою жизнь. А если убить кого надо, то и тут я пригожусь.

– Вот убивать ни кого не надо. И я навоевался за свою жизнь достаточно. Возьму тебя с собой, если Дагу поедет с нами. По душе она мне, славная девушка.

Кошта перевел весь разговор с Семеном Дагу. Та, не секунды не колеблясь, ответила.

– С тобой я бы поехала без всяких условий, ты мне очень нравишься. Усладу жизни ты получишь, но и у меня есть условие. Если я захочу уйти, ты меня удерживать не будешь. Я свободный человек и свободу свою люблю. И знай, я тебе ни когда не изменю, пока я рядом. Согласен?

– Мне все подходит. Захочешь уйти, ты свободна как ветер. А теперь слушайте меня. Завтра утром я отправлюсь к русскому консулу, надо какую-то подорожную сделать, иначе нас не выпустят. Пока не знаю, что с твоим лицом делать Кошта, запоминающееся оно у тебя. Дагу, у тебя какой-то документ есть? Понятно, зря спросил, и так все ясно. Ложимся спать. Утро вечера мудренее. Угловая спальня твоя Кошта. Только, не надо в одежде спать ложиться. Там и умывальник есть. Ты Дагу, иди, ложись в мою спальню, ну, а я тут в столовой на диване улягусь.

Кошта ушел, а Дагу широко открытыми черными глазами вопросительно посмотрела на Семена.

– Как же так Семен, я же обещала одарить тебя любовью за твою услугу.

– Понимаешь девочка, я дворянин и офицер, мало того, я еще и гусар. Что это такое тебе трудно понять. А вот гусары за услуги с дам ни чего не берут, постелью гусара отблагодарить невозможно. Так, что иди, ложись спать. Успеешь ты еще меня полюбить.

Дагу мало что поняла из слов Семена. Гусары, услуги, возможно, невозможно. Она просто обняла Семена и поцеловала в губы, а когда она своим язычком прошлась по небу Семена, тот сразу понял, такая ночь у него будет впервые. Дагу тут же оказалась у него на руках и через мгновение в спальне. Семен знал женщин и не мало, его трудно было чем-то удивить, но вот такой женщины у него ни когда не было. Какие там графини и княжны, балерины и всевозможные красавицы, им, попросту рядом с Дагу делать было нечего. Изумительно нежная кожа, цвета кофе хорошо разбавленного молоком, обворожительные небольшие груди, непонятной упругости. Одно прикосновение к ним вызывает полный восторг. Можно применить более ста эпитетов, рассказывая о женских прелестях Дагу. А как она целовалась, сердце буквально рвалось из груди. Обвив Семена своими стройными ногами, она вся извивалась под ним. Её голова металась по подушке, черные глаза извергали огонь. А самое главное, там не было ни грамма фальши. Страсть была настоящая и не поддельная. И тут наступило полное блаженство. Семен расслабился и часто дышал. Дагу нежно целовала ему грудь и шею. Семен думал, что все окончено, и можно теперь уснуть. Но он ошибся. Все только начиналось. Дагу встала и зажгла свечи. При свете свечей она стала танцевать. Совсем нагая при мерцающих свечах она казалось, летает в воздухе. У нее была потрясающая фигура. Было тихо, но музыка звучала в ушах Семена. Движения Дагу становились все быстрее и быстрее и тут начались движения животом. Она делала немыслимые движения. Мужская сила вновь вернулась к Семену. Дагу

легла сверху, Семен вошел в нее и она села. Она совершенно не двигалась, по ее телу пошла дрожь, ее дрожание начало передаваться Семену. Двумя руками он инстинктивно взялся за ее груди. Ее глаза стали огромны, зрачки зловеще расширились, а внутри этой девушки заработали жернова мельницы. Начался такой бешеный ритм в ее лоне, а она оставалась неподвижной. Глаз у нее уже не было видно, одни зрачки и тут из ее груди вырвался стон, застонал и Семен. Её горячее тело прильнуло к нему. Наверно это рай подумал Семен, силы полностью покинули его, и он глубоко уснул. Когда он проснулся, Дагу сидела у его ног.

– Доброе утро мой повелитель. Как вам спалось. Как ночь?

– Ничего подобного я в своей жизни не испытывал. Ты царица. Я буду тебя называть с сегодняшнего дня Берберской царицей.

– Ты еще ни чего не узнал. Мы только в начале пути, мой дорогой.

У Семена захватило дух. Интересно, а что еще можно тут добавить, после такой ночи. За такой женщиной я пойду на смерть. Теперь мне ни чего не страшно. Будет она и Кошта в России, а там трава не расти.

В номер принесли завтрак. Семен не спеша ел и обдумывал дальнейшие свои действия.

– Так ребята, я вас оставляю в гостинице, а сам еду к русскому посланнику. Вас ни кто тревожить не будет в моем номере, я распорядюсь. Отдыхайте. Нам еще придется потрудиться, я так думаю.

У

Зная хорошо, что князь Облонский раньше одиннадцати утра не встает, а он как раз и был консулом в Риме, Семен неторопливо вышел из гостиницы. Как раз на часах, только что пробило одиннадцать раз. Идти было не далеко, когда он подойдет к особняку князя, тот будет пить чай. Так все и вышло. Семен поднялся на крыльцо старинного особняка, у дверей стоял лакей.

– Доложи князю, что к нему пришел Семен Андреевич Волков.

Семен не любил называть себя по титулам. Достаточно было его фамилии, а с князем они были давно знакомы, даже служили вместе. Потом князь ушел из армии, выйдя в отставку, и занялся дипломатией. Шпагой он не очень владел, а вот с головой у него было все в порядке. Прекрасно образован, великолепный танцор и обольститель. Он знал все придворные этикетки Европы. А главное, он любил Россию не меньше Волкова. На него можно было положиться. Семена приняли незамедлительно.

– А я уже думал, что от тебя и след простыл из Рима, Семен Андреевич. Рад тебя видеть дорогой ты мой. Ох, и шума ты наделал вчера. Будет скандал на всю Европу. Ты уколошил помощника посла по особым поручениям, мало того, он сын, какого-то лорда, который заседает в Вестминстерском дворце. Не сносить тебе головы, друг ты мой любезный.

– Обрадовал. Так там все чисто. Этот негодяй меня раненого пытался добить, когда мы турок воевали.

– Да, слышал я все. Когда ты его начал душить, я рядом был. Ты в своей ярости меня и не заметил. И историю твою я знаю. Я все знаю, что в России происходит, и не только в России. Тебе быстрее надо из Италии выбираться, а лучше напрямиком в Россию. Англичане не простят тебе этого. Они будут просить твою голову. Вот ты как раз мне сейчас и нужен. Есть дело у меня к тебе. Но, сначала тебя послушаю, зачем пожаловал?

– Тут такое дело Николай Александрович. Познакомился я с очаровательной девушкой. Нет, это не графиня, хотя и у графини есть свои прелести, я же вижу твою ехидную улыбку. Графиня в прошлом, пусть ее рогатый муж оберегает. Хотя, мне кажется, что он специально подкладывает ее в постель к мужчинам, зарабатывает на своей жене. Они-то графы, но денег у них меньше, чем у моего управляющего Акима. Моя девушка простая танцовщица, но поверь мне, таких женщин у меня ни когда в жизни не было. А ты знаешь, что знавал я женщин, слава Богу. Я готов лечь за неё на плаху.

– Ляжешь еще, не волнуйся. Ты к делу переходи, чего тянешь. Итак, понятно, что ради простой бабенки ты бы ко мне не пришел.

– Она согласна ехать со мной, но только если я заберу с собой и ее брата.

– Так забирай и всю ее семью, кто тебе мешает. Ты человек богатый и знатный. Я не вижу препятствий.

– Есть загвоздка одна. В розыске ее брат, найдут, повесят.

Облонский несколько изменился в лице.

– Вот скажи мне Семен Андреевич, по нашей старой дружбе и без обиняков. Почему ты все время сам лезешь в петлю? Ладно бы на войне, так ты и на гражданке все время лезешь на рожон. Зачем ты тут мне сказки рассказываешь. Да, их ищет вся полиция Италии. Как ты сказал братец, так он двух человек прирезал прямо на глазах сотен прохожих. Этим двоим восточных купцов охраняло больше десятка телохранителей. Он в дом забраться не смог, так он на площади, на них как зверюка кинулся. Полосонул ножом обоих, охрана и глазом моргнуть не успела, а он уже сбежал. Зачем тебе это надо?

– Так я уже тебе сказал, девушка красоты и цены необыкновенной. Поверь мне, она стоит того. Не сможешь, на прорыв пойду. Уложу всех, а в Россию ее увезу.

– Вот жжешь голова бесовская. И в это я верю. Ладно, есть идея. Заодно и родине послужишь. Главное братца ее спрятать, а на женщину с твоей милостью, кто обратит внимание. Повар мой Митька помер, сильно просился, что бы его в русской земле похоронили. Второй день в подвале у меня лежит. Хотел его с оказией отправить в Россию, так почта у меня сильно секретная. Боюсь, перехватят. Вот ты для этого мне и нужен. Мне тебя сам Бог послал. Митьку похороним тут, в Риме, он меня простит за это. Братца ейного в гробу в Россию повезешь. Будешь выпускать его по дороге, нужду справлять. Паспорт для девушки нужен, а у меня таких не имеются. Сейчас я своего писаря позову, этот пройдоха все знает и все может. Он тебе назовет сумму, так ты ему ровно половину дай, значит, это как раз в два раза дороже, чем он сам уплатил. Вороват, но человек нужный и не заменимый в моем деле, потому и держу при себе. Ужом в любую щель пролезет и все вынюхает как легавая.

Посол позвонил в колокольчик. Вошел лакей.

– Ваську писаря мне сюда живо.

Семен подумал, что сейчас появится молодой человек с бегающими глазами и, наверняка рыжий, но появился человек среднего возраста, слегка лысоват и степенной наружности.

– Василий, ты у меня тут все знаешь. Нужен паспорт на женщину, лет двадцати. Желательно на графиню, баронессу или маркизу, тут пусть работает твое воображение. Сделать можешь?

– Трудно ваша светлость.

– Ты меня не понял Василий. Сделать сможешь, это означает, что бы через полчаса, максимум через час паспорт лежал у меня на столе, а то первым же обозом в Петербург отправлю. Будешь ножиком перья стряпчим чинить.

Василий исчез мгновенно, после таких слов начальника.

– Так, а теперь к делу Семен Андреевич.

Консул вынул из стола небольшой портфель.

– Вот дипломатическая почта, но это так, ерунда. Пусть читает, кто хочет, мне на это плевать. А вот это серьезные бумаги.

И он вынул конверт из нагрудного кармана.

– Тут письмо испанского короля, с моими комментариями. Что к чему, объяснять тебе не буду. Оно тебе и не к чему. Ты в большой политике темный человек. Тебе бы шашкой махать и кричать ура, а тут судьбы многих тысяч человек. Это письмо передашь лично канцлеру, на худой конец императрице. Почему говорю на худой конец императрице, так ей ни чего решать не надо, всю политику она отдала на откуп канцлеру, а тот хорошо знает свое дело.

Душой и телом он за Россию. Если тебя убьют, то все равно, после своей смерти ты должен съесть или сжечь это письмо. Не подведи меня Семен Андреевич, хотя я думаю, что эти слова совершенно лишние. Я знаю тебя, и сомнений в тебе нет. Сколько человек тебя сопровождают в твоём турне?

– Два лакея. Зачем мне больше. Пока сам одеваюсь и раздеваюсь.

– Малова-то, хотя нам пышной помпезности и не нужно. Опальный человечек едет в Россию, кому он нужен. Внимание на тебя сильно не обратят.

А вот тут консул был не прав. За его домом следили и смотрели, кто приходит и кто уходит, но Облонский об этом еще не знал.

– Николай Александрович доставим почту в целости и сохранности, я головой ручаюсь. И зачем ты мне столько крови выпил-то из-за моей девушки. Я же понял, ты как меня увидел, сразу и решил меня в Россию отправить. Что я не прав?

– Прав, прав. Но и крови попить у тебя было нужно, это и есть дипломатия. Вроде ты просишь, а делаешь, что я велю. Документы пока останутся у меня. У тебя же кареты нет. Поедешь на моей карете в Россию, все вензеля сейчас велю снять с боков. Поедешь в свою гостиницу и привезешь этого висельника с его сестрой. Висельника в гроб, девочку в карету. Будет тебе, чем заняться. До России путь далекий.

Облонский ехидно хихикнул. Тут и Василий явился.

– Все сделал как вы, и велели ваша светлость. Ух, и дорого пришлось уплатить за паспорт этот. Настоящий. Графиня Ториччели. Можете взглянуть ваша светлость. Золотой червонец уплатил.

Облонский взял в руки паспорт и начал его разглядывать.

– Да ты что шельма, обмануть меня хочешь. Да, такая бумажка и пятак на базаре не стоит.

Тут князь погорячился. Он видел, что паспорт поддельный, но подделка была выполнена великолепно. Тут нужен был очень опытный глаз, что бы это заметить. Облонский знал все хитрости итальянских паспортов. Этот был почти настоящий.

– Да, за наш российский империял можно скупить все паспорта графинь итальянских, вместе с самими же графинями. Семен Андреевич дайте Ваське полуимпериял, ему будет достаточно.

– Ладно, с меня не убудет. Держи Василий червонец. Ты сослужил хорошую службу.

Во дворе дома быстро раздели карету. На дверках, были ели заметны следы герба Облонских.

– Поезжай Семен Андреевич. Я тебя жду.

Семен приехал в гостиницу. Вещи были быстро собраны. Лакеев он заставил надеть ливреи. Кошта опять облачился в гусарский мундир. Семен рассчитался за гостиницу, и они втроем быстрым шагом проскочили холл и сели в карету, лакеи встали на задний уступ кареты. Так они тронулись и поехали к дому Облонского. Ворота распахнулись, только они приблизились, и карета въехала во двор. Там их ждал Облонский. Когда он увидел девушку, то понял, Семен прав, такая красавица дорогого стоит. Правда, сам Облонский никогда бы не сунул голову в петлю ради женщины, хотя, за Россию он был готов умереть, даже, если бы его рвали на части. Тут надо отдать ему должное, но и таких женщин у него ни кода не было и ни кода не будет. Не доступно это ему.

– Так, этого в гроб. Ух, и рожа. Заверните его в белую простыню. Да, и еще, обвяжите его голову бинтами. Так он красивее будет и на покойника будет похож. Семен Андреевич, вот вам тухлое яйцо. Это Васька придумал. И где он шельмец-то яйцо тухлое в Риме умудрился достать, неужели специально тухлятиной торгуют. Гроб слегка заколотим. Если на выезде из Рима или на границе захотят осмотреть покойника, пусть твой висельник раздавит яйцо. От такого запаха на него ни кто глядеть не будет. Главное, что бы он с перепугу-то яйцо не раз-

давил, а то сам и помрет, и ты точно покойника в Россию привезешь. Гроб же не проветривается, ни к чему это мертвым. Знай себе лежи и молчи. Объясни ему это все на его тарабарском языке, ты же с ним как-то общался.

– Он прекрасно говорит на многих европейских языках, только русский не знает, зря ты так.

– Ты смотри, какие бандиты образованные пошли в Европе. Ты хоть что-нибудь о нем знаешь?

– Не-а, и зачем, у меня Дагу есть.

Тут Облонский облизнулся и сверкнул глазами на Дагу. Облонский продолжал руководить.

– Гроб наверх кареты поставьте. Она крепкая и выдержит. Ремнями хорошо укрепите, а то потеряете покойника. Идем Семен Андреевич наверх, я тебе документы отдам и пару советов прибавлю.

В кабинете был накрыт незамысловатый стол. Хлеб, икра и водка.

– Вот держи портфель, а вот этот конверт к груди приложи. Я надеюсь на тебя Семен Андреевич. Тебя ни кто не купит, это я знаю, а вот убить, ради этого документа, могут и легко. Теперь совет. Постарайся ночевать в больших и людных гостиницах. Там безопаснее. Что с висельником в дороге делать, сам решишь. Теперь о твоей мамзель. Она же на графиню похожа точно так, как ее брат похож на английского лорда. Её одеть прилично надо. В магазин готового платья не ходи, там, на графиню ничего не найдешь. На графиню шить платье надо и не одно, а несколько. Дорога длинная, в одном не доедет. Тут недалеко есть старьевщик. Ты не морщься. Там нет старых вещей. Ты, действительно прав, вся их знать, бедна как церковная мышь. Их блеск показной. Я в первую неделю своего приезда в Рим свалил полного дурака. Одолжил одной графине десять тысяч рублей, когда она в карты играла. Так она их не проиграла, а сразу же бросила играть. На следующий день она мне заявила, что рассчитаться со мной деньгами не может, и предложила себя взамен. Да, на черта мне такая радость за десять тысяч рублей, я тебя спрашиваю. Оказалось, за эти деньги можно купить с десятков таких графинь, мало того, а и вместе с их дочерьми и горничными в придачу. В общем, она уже два года отрабатывает эти деньги и ни как не может отработать. Но проказница хорошенькая. Она со мной такое вытворяет, моя жена со стыда бы умерла. А тут все можно. Так, что я тебя понимаю. У меня потом целая очередь заемщиц появилась. Но я не ты, мне и одной достаточно. Так вот, все эти дамочки могут один раз платье надеть, что бы на балу покрасоваться, потом пытаются его сбыть, что бы можно было другое себе пошить, может, кто из любовников и денег добавит. Второй же раз платье не наденешь на бал, все скажут, что бедная. А тут с этим строго. Потом ни дочку, ни сына не женишь. Так, что подберешь туалет своей даме приличный. В России нарядишь ее во все новое, тут понятно. И милый мой, не забывай, что зима на дворе. Это тут солнышко греет, у нас снега навалило, и мороз красный нос по двору ходит. Шубку там же ей подберешь. Тулупы овчинные я тебе в карету уложил, не замерзните. Все, давай по рюмочке выпьем и присядем на дорожку. Васька тебя проводит к старьевщику. Денег больше ему не давать. Он и так тут сколотил целое состояние, и деньги в рост дает.

Лакей налил водку в рюмки, и они чокнулись. Но выпили не по одной, а по три, как и положено. Присели на дорожку. Пошли к выходу.

– И еще Семен Андреевич, ты мне скажи как гусар гусару, мы же с тобой в молодости к актрисам вместе ездили, тогда мы ни чего не скрывали друг от друга. Но только на ушко. Семша, неужели у этой дамочки такая штучка, что ради этой штучки можно голову на плаху положить?

– Подставляй ухо. Саша, клянусь, я такого еще не видел и не чувствовал. Она села на меня и не двигалась совсем. Такое впечатление, что у нее там две маленькие ручки, нет, скорее ротик с язычком. Я чуть не умер от удовольствия. Но это еще не все. Она сказала, что это начало

пути. Жаль, я жениться на ней не могу. В первой же русской церкви венчался бы с ней. А как она танцует, так это только видеть надо. Вот так дружище. Но это по секрету и только тебе, твое слово кремень, я знаю это.

Карета была экипирована. Гроб красовался наверху. Чемоданы уложены в багажное отделение. Сбор окончен. Облонский с Волковым обнялись и трижды поцеловались. Облонский перекрестил карету, и они уехали. До магазина старьевщика было не далеко. Дагу долго выбирала, а потом еще дольше примеряла платья. Выглядела она в них потрясающе. К платьям были куплены шляпки с вуалью, перчатки, туфли и прочая мелочь для женского туалета. Семен мало, что смыслил в этом деле. Он предпочитал женщин вовсе без платья. Но тут возникла еще одна проблема, под все эти платья нужно было совершенно другое белье. Выручил хозяин магазина, он послал посыльного в другой магазин и тот все купил, как распорядилась Дагу. Вот теперь можно было и в путь. До заставы карета доехала быстро, потом произошла заминка. Все кареты, выезжающие из города, должно было осмотреть. У Семена была бумага подписанная консулом Облонским, которая освобождала карету от досмотра, но полиция не обратила на нее внимания. Семен и графиня легко прошли досмотр. Дагу в новом одеянии и в шляпке с вуалью выглядела настоящей графиней, отличить подлог могла, только сама графиня Ториччели, но таковой не существовало в природе, значит, и разоблачить обман, было не кому. Стал вопрос о досмотре гроба с покойником. Семен был спокоен и не сопротивлялся этому. Как только приподняли крышку гроба, оттуда пошла такая вонь, что полицейские замертво попадали с кареты. Семен улыбнулся. Надо было Ваське два золотых дать, сейчас бы пришлось гнать карету и неизвестно, чем бы это все кончилось. С таким запахом карету пропустили моментально. Они ехали минут тридцать после досмотра, когда Семен вдруг вспомнил о Кошта. Он приказал кучеру остановиться, а сам полез наверх и приоткрыл крышку гроба.

– Кошта, ты там жив еще?

– Даже не знаю. Еще минут пять, и я бы точно окошел. Хорошо, что я, перед тем как лечь в гроб проковырял в нем отверстие, иначе бы мне хана.

Кошта сел. В руке у него было раздавленное яйцо.

– Да выбрось ты его Христа ради, сказал Семен. Теперь этой вони до самой России хватит. Кошта с отвращением выбросил яйцо.

– В карету не пушу, вонь от тебя идет. Сядь рядом с кучером. Проветрись маленько. До итальянской границы тебе в гробу делать нечего.

Так они и ехали. Останавливались на постоянных дворах и в гостиницах, если были такие, так и доехали до итальянской границы. Тут бумага Облонского имела вес для пограничной стражи, а может и дух тухлого яйца не выветрился еще, кто знает, но их больше не досматривали. Проехав еще несколько верст, Семен приказал слугам снять гроб с кареты и выбросить его в овраг.

– Все, Митьку считай, похоронили. Так Кошта, теперь и Кошты нет, а есть, дай глянуть в подорожную, тьфу ты, Иван Иванович Иванов. Вот Облонский гад удружил с фамилией, хорошая шутка, узнаю гусара. Похож ты на Иванова как арап на татарина. Ладно, в России, что-то да придумаем для тебя по-проще. Ты уже проветрился, полезай в карету.

Тут возмутилась Дагу, то есть графиня Ториччели.

– Зачем он нам нужен в карете, пусть едет с кучером, ничего с ним не станется. Тут и так мало места. А у нас с тобой до самой России любовь одна будет. Ты сдержал свое слово, а нам графиням, так же свое слово держать надо.

Дагу лукаво посмотрела на Семена.

– Так и я не возражаю. С кучером, так с кучером. Все поехали.

И графиня держала свое слово до самой границы России. Каждый день она придумывала все новые ласки. Семен ждал, когда она уже повториться, но все шло как в тысяче и одной ночи. Только все это было днем. Ночью, они, обнявшись, спали до самого утра. Чем ближе к России,

тем становилось все холоднее. Лакеи уже не могли ехать на уступе кареты, Семен нанял им извозчика. По заснеженной дороге карета ехала медленно, но все же двигалась вперед. Дагу никогда прежде в своей жизни не видела снега. Как она радовалась ему. Шубка на ней была дрянная полная, для Рима может и хорошая, а для России, разве что, годилась на облупок под зад для ямщика, что бы ни отморозить причинное место. Но, все равно, она была в ней прекрасна. Кошта в овчинном тулупе выглядел еще более потрясающе. Самый страшный разбойник, по сравнению с ним, выглядел ангелом, воплотил. Семен и Дагу под овчинными тулупами продолжали наслаждаться любовью. Дагу так его целовала, что Семену и близость была уже не нужна. Но любой мужской силе нужен, бывает и длительный отдых, хотя бы на сутки, даже для гусар. Вот эта нужда и наступила. Семену был интересен рассказ Кошта о его жизни, да и подумать о судьбе Кошты было нужно. Что ему делать в России? У Дагу он ни чего не спрашивал, выучит русский и сама расскажет, а так бы он не понял и половину ее рассказа. С Кошта было проще, он понимал полностью его речь. Так Кошта впервые оказался в карете.

Расскажи Кошта о своей жизни, ты обещал это сделать. Скоро Россия. Я хочу все знать о тебе.

Расскажу я вам Семен Андреевич все как на духу. Родился я в португальской деревушке, что у подножия гор расположилась. Не в бедной семье, были соседи гораздо беднее нашей семьи. Было у нас хорошее стадо овец и коз. Из молока делали сыр и продавали его вместе с шерстью на базаре. Семья у нас была большая, семь душ детей. На жизнь хватало, жили не впроголодь. Вот это и все радости в жизни. Я последним родился, и рассчитывать на наследство не мог. Мне было шестнадцать лет, когда я ушел из дома искать счастья. Записался в армию, трудно мне было сначала, и били и плохо кормили. Слава Богу, что нас быстро разбили. Я вперед не рвался и остался жив. Подержали в плену, но нас же кормить надо, вот и предложили у них служить. Я и тут согласился. Стало несколько легче, я уже был бывалый солдат. Силушкой меня Господь не обидел и мог постоять за себя. Испанская корона платила мало, но, все-таки, регулярно. Немного мы побии англичан, потом они и нам врезали хорошенько. Но я, опять впереди не бежал, за кого мне воевать и свой живот подставлять? В плен я не попал. Сколотили шайку и немного пограбили на дорогах, вот тут нас англичане и поймали. Хотели повесить. Я понял, что к чему и в их армию попросился. Сначала подумал, лучше бы повесили. В английской армии муштра страшная, с утра до вечера по плацу гоняют, чуть, что не так или в морду или розги. Натерпелся я не мало. Надоело мне служить. Сговорился я со своими подельниками бежать. Вот мы одного офицера и придушили. Взяли его кошелек и дали деру. Теперь я понял, что в армии денег не заработаешь. Тут надо свой промысел открыть. Так мы и добрались до Танжера, там и произошла моя первая встреча с матерью Дагу, тогда Дагу совсем малышкой была. Мать Дагу звали Нейри, на каком-то там наречии, это означает Солнышко. Кстати, Дагу, на этом же языке, означает Луч Солнца, это ее так мать назвала. У Нейри была любовь с английским офицером, тот и жениться на ней обещал. Не знаю, верила ли Нейри англичанину, но она любили его и от этой любви, и родилась Дагу. Вскоре англичанина вызвали на родину. Он клятвенно обещал, что вернется за Нейри и дочь, но в итоге он пропал и не вернулся. Нейри в большом почете тогда была. Из-за нее постоянно воевали кланы бедуинов между собой. Нейри, не только прекрасно танцевала, но она и могла одарить сказочной любовью. Я организовал прекрасную шайку. В морском деле я силен не был, но и моряки у нас были. Кстати у нас был русский. Где-то он отбил по пьяному делу от своего корабля и примкнул к нам. Человек был надежный во всех отношениях и силой обладал хорошей. Мы грабили небольшие суда, тем и жили. На отдых отправлялись в Танжер и там прогуливали, почти все что заработали. Легкие деньги и легкая жизнь. Копить не имело смысла. Рано или поздно, нас все равно бы повесили. Я тогда еще не задумывался о жизни. Она мне казалась прекрасной сегодня. Некоторые копили деньги, что бы потом отправиться на родину и начать там свое дело. Купить дом и жениться. Но для меня, это пока ни чего не значило. Я влюбился

в Нейри, но она для меня была недоступна. Какой-то арабский шейх в нее влюбился по уши. Она уехала с ним, забрав с собой Дагу. Ох, и заварушки начались. Племена на племена пошли войной. Перебили все друг друга, тогда и успокоились. Нейри, опять в Танжер вернулась. Богатый купец не дождался крупного корабля и нанял лачугу, что бы в Испанию идти. Мы на него и повелись. А оказалось, что это была засада на нас. Видимо, сильно мы надоели всем своим разбоем. Только мы к этой фелюге подошли, что бы купца грабануть, а тут военный корабль нас и накрыл. Мы ходу, но от пушек не уйдешь, хоть и ночь на море. Бабахнули по нам. Наш кораблик вдребезги. Плавал я плохо, в горах вырос. Зацепился за какое-то бревно и честно скажу, не знаю, как выплыл. Наверное, Богу так было угодно. Не знаю, кто и выплыл из наших. Потом, правда, я одного нашел, но о нем я позже расскажу. На шее у меня был мешочек с золотыми монетами, не все успел прогулять. Так я опять вернулся в Танжер. Оказалось, что кто-то пустил слух, что Нейри приносит несчастье. Шейхи помирились, а вот Нейри впала в полную немилость. Ее не приглашали ни куда танцевать, она в это время сильно нуждалась. Вот тут и появился я. Я ей не ставил ни каких условий. Просто сказал, давай я тебя увезу отсюда вместе с Дагу. Купим небольшой домик в Испании и будем жить вместе. Не захочешь спать со мной, неволить не буду. Я устроюсь работать, а ты, если захочешь, будешь танцевать. Так и кормиться будем. Еще раз повторюсь. В Нейри я влюбился так, что готов был отдать жизнь за нее, хотя и ни разу в жизни она меня не ласкала. Вот так мы оказались в Испании. Только через год я узнал любовь Нейри. Я уже и не надеялся, но она сама ко мне пришла и одарила любовью. Сказала, что больше, кроме меня, у нее мужчин не будет. С этого дня она стала моей женщиной. Я и жениться хотел, но она все время говорила, потом, успеем еще. Ты сам хорошо подумай, нужна ли я тебе. Так прошел еще год. Подростала и Дагу. Вот, однажды я и встретил того, кто спасся вместе со мной. Сильвестр был испанцем. Вот и родилась у меня мысль, сделать один удачный набег и уйти на покой. Купить харчевню и жить припеваючи вместе с Нейри. К нам прибился один итальянец. Отец его был банкиром и давал деньги в рост. Послал сынка в другой город с деньгами, тот все прогулял и ударился в бег. Человек он был ученый и грамотный. Такой нам был и нужен. Быстро мы на нужное дело вышли. Купец один охрану себе искал, он без товара был, но с хорошими деньгами. Послали мы к нему итальяшку. Красивый, с хорошими манерами, кто его заподозрит в подвохе. Вот нас и наняли. Купец, еще недолго прожил, а деньги мы у него забрали. Поделил я все по совести. Не знал я, что мои подельники стоворились, от меня избавится. Я и получил по голове дубиной. Очнулся, ни денег, ни сотоварищей. Тут меня полиция и взяла. Я потом узнал, что они не зная, убили меня или нет, на всякий случай донос сделали. На суде я был нем как рыба. Закладывать их не имело смысла. Вот когда вырвусь на свободу, тогда и посчитаюсь с ними. Получил пожизненную каторгу, чего со мной церемониться. Все правильно, заслужил. Если бы не любовь к Нейре, может и не вырвался бы я оттуда. Поначалу меня заковали в кандалы и на галеру отдали. Как здоровье мое ухудшится, так можно и в колонии отвезти, на плантации. Я сильный и крепкий тогда был, хотя, и сегодня не жалуюсь на здоровье. Вот я пять лет и на галере греб, что есть сил. Били, кормили плохо. Цепь крепкая, не убежишь. Но и тут меня Господь не оставил, видать крепкая любовь у меня к Нейре была. Одно звено на цепи, от ржавчины дало слабину. Я поднатужился немного, вот и разогнул его. Ночью ушел тихо, только надзирателя задушил собаку. Путь домой был долог и приключений хватало. Когда появился в Испании, Нейра болела сильно. Доктор сказал, что у нее лихорадка, названия я не помню. Умерла Нейра на моих руках. Дагу красавица, танцует не хуже матери. Так и жили, но не долго. Я узнал, что итальянец вернулся домой и с большим прибытком, отец и простил его. Сильвестр стал купцом и компаньоном итальянца. Живут они в Риме и хорошо живут. Я продал дом, взял с собой Дагу и пошел свою долю забирать. Дагу оставил, там, где ты ее нашел и пошел в дом к Сельвестру. Тот испугался, а когда понял, что я пришел не за его жизнью, а за деньгами, то и успокоился. Я потребовал свою долю с процентами, он и согласился. Пошел за деньгами и пропал, тут и полиция нагрязнула. В этот раз он

меня по голове не стукнул, вот я и ушел от погони. Меня сильно не искали. Это в Испании я беглый каторжник, а тут они мне слабинку дали. Сделал я наблюдательный пункт для себя, на крыше здания, что напротив дома итальянца и стал изучать обстановку. Сельвестр к нему перебрался, пока меня не поймают. Наняли себе телохранителей. Но на работу-то ездить им надо, дело не ждет, когда меня еще поймают. Людей много рядом с ними, они и бояться перестали. В дом пробраться было невозможно. Я все просчитал и пути отхода и как нападу на них. Переоделся нищим, охромел немного и дождался, пока они вдвоем выйдут из дома. Дальше было все делом техники. Ножом я научился работать исправно, чик по голу одного, другому в сердце попал и ходу. Пока там думали, от меня и след простыл. Все остальное вы знаете. Теперь я в вашей власти. Могу сказать одно. Я еще на галере был, но дал себе слово, если бегу, то в разбойники ни когда не вернусь. А мое слово крепкое, крепче алмаза.

– Хороший рассказ Кошта. Я верю тебе, что ты встал на путь истинный. Будет тебе и работа в России. Жизнь сложная штука, потому и жизнью называется.

Вечером они заехали на большой постоялый двор. От этого места до России пять верст пути. Граница и вот она родная земля. Весь путь прошел без приключений. Семен снял номер для себя с Дагу и для слуг. Заказал ужин в номер. Семен только разлил в бокалы вино, как постучали в дверь. На пороге стоял его слуга.

– Ваше сиятельство. Тут к вам посетитель. С виду иностранец, но хорошо говорит по-русски. Прикажете принять?

– Ты видишь, я ужинаю и сильно устал. Пошли его к черту. Я не хочу ни с кем беседовать, а с иностранцем тем более. Будет настаивать, и возмущаться, дай ему в морду, я разрешаю. Мы почти дома.

Семен помнил наставления Облонского и с иностранцем он общаться не захотел. Если бы был русский человек, он бы пригласил его за свой стол и угостил бы прекрасно. Давно Семен не слышал родной речи, хотя владельцы гостиниц и постоялых дворов великолепно говорили по-русски, но с ними не побеседуешь по душам. Шума за дверьми не было, видимо гость понял Семена правильно и удалился. Но в этом Семен ошибся. Дагу уже лежала в постели, Семен подбросил в камин дров и хотел раздеться, что бы лечь рядом. Возле Дагу он засыпал мгновенно и спал как младенец, обняв Дагу за ее сладкую грудь. Опять послышался стук в дверь.

– Ну, что там тебе Гаврила?

– Человек опять просится в вашей милости. Он офицер и как-то в моду бить его не хочется, но если вы прикажете, то я это сделаю. Только бы не убить, он сильно хлиплый.

– Ладно, зови его. Стой за дверью и Гришку с собой возьми. Если кликну, то сразу и заходите. Понял меня. Вовремя не появитесь, выпорю так, что не присядете до самого Петербурга.

Зашел офицер при шпаге и ни такой уж хилый, как сказал Гаврила. Хотя, для Гаврилы и медведь не боец. Лакеями, это они так числились. На самом же деле, это были хорошо обученные и вымуштрованные самим Семеном люди из его имения, хоть и мужики, безгранично преданные ему во всем. Если Семен прикажет им умереть, то они выполнят его волю. Если надо, они могли и саблю взять в руки, но предпочитали дубину или оглоблю. Так им было сподручнее. Офицер представился.

– Так я слушаю вас, зачем мне ваши титулы и звания, сказал Семен.

– Даже не знаю с чего начать.

– Я устал и спать хочу, говори как есть, иначе выгоню.

– У вас есть один документ, который сильно интересует мое правительство. Мне сам документ не нужен, мне надо, только взглянуть на него и вы получите любую сумму, в пределах разумного. Назовите сумму и дайте мне прочесть, что там написано.

– И какая твоя разумная сумма?

– Скажем так. Тысяч пять фунтов. Это огромная сумма. На эти деньги в Англии можно купить полграфства.

– Зачем же мне половина, мне целое графство нужно, чего мелочиться-то. Показывай деньги на все графство.

– Это огромная сумма и у меня нет ее с собой сейчас.

– Так какого черта ты суешься ко мне, и спать не даешь. Пшел вон.

– Так я вам ее сейчас доставлю, и прошу вас, не говорите со мной в таком тоне. Я дворянин и офицер.

А вот это англичанин сказал зря, Семена он не знал вовсе. Слово офицер и дворянин для него значило очень много.

– Ладно. Ходить ни куда не надо. Но тон я не поменяю. Если ты дворянин и офицер, то, как ты смел собака, такое предлагать дворянину и офицеру, такую подлость. Эй, Гаврила с Гришкой ко мне.

В комнату вошли слуги.

– Держите этого разбойника, только не придушите. Дагу, накинь халат и подойди ко мне.

Дагу появилась в комнате. Таким Семена она ни когда не видела. Граф, князь, для нее это были, в общем-то, отдаленные слова. Она ни когда не общалась с вельможами в своей жизни. Она и не представляла, что они могут так повелевать. А ею ни кто не повелевал. Её могли унижить, обидеть, но приказать, такого она и не ведала. А тут, как-то сразу и мгновенно подчинилась.

– Дагу, вели Кошта явиться в мой номер и живо.

– Да, мой господин, сказала она и ушла.

Очень быстро появился и Кошта.

– Гришка, забери у него шпагу, сломай ее и выбрось в окно. Не бойся, от Гаврилы он не вырвется. Снимайте с него портки. Ты Кошта высеки его, да так, что бы он на всю жизнь запомнил, как нужно разговаривать с русским офицером. Жалеть не надо. Что бы ни орал, заткните ему глотку.

Гаврила с Гришкой легко согнули англичанина пополам, а Кошта с огромной радостью высек его плетью. Кожу ободрали до костей.

– Теперь откройте окно и выбросьте его в сугроб. Тут не высоко, всего второй этаж, не убьется. Всего хорошего вам дворянин и офицер.

И дворянин, и офицер вылетел из окна, как пробка из шампанского.

– Благодарю за службу ребята. В первом же трактире дам на водку. Помянете супостата. А ты Кошта молодец, умеешь сечь, как положено. Ни одного удара по спине, все в цель. Я иду спать. Гавриле с Гришкой по очереди сторожить мой сон и смотрите не проспите хозяина. На рассвете тронемся в путь. Россия ждет нас. Идем моя милая Дагу, нам пора баиньки.

Дагу легла рядом, она вся дрожала.

– А ты страшен во гневе Семен, я ни когда не могла подумать, что ты можешь быть таким. Наверное, этот человек тебя сильно обидел.

– Милая Дагу. Меня обидеть невозможно. Просто он мне сделал предложение, за которое я его и наказал по-русски. Ему здорово повезло, что я его не проткнул шпагой, но ума ему добавил. И зачем тебе все это знать. Ты рождена для любви, и я тебя ни кода не обижу. Обними меня и перестань дрожать.

Тем временем англичанин вылез из сугроба. Ему хотелось выть и от боли и, еще больше от нанесенной обиды. Впервые в жизни его высекли, да еще и как, правда, увидеть свой зад он не мог. Он сам неоднократно приказывал сечь людей, теперь все это он ощутил на собственной шкуре. И запомнит он этот день на долгие годы. В другом крыле гостиницы его ждал начальник и восемь солдат. Он буквально вполз в свой номер. Его командир с недоумением смотрел на него.

– Что случилось лейтенант. На вас лица нет.

– Какое там лицо, господин капитан. На мне не только лица нет, у меня еще кое-чего нет. Я же говорил вам, что этот русский не подкупен. А вы утверждали, что все в этом мире покупается и имеет цену. Я ему предложил пять тысяч фунтов. Он потребовал десять. Когда я хотел прийти к вам за деньгами, то он приказал своим слугам, что бы они высекли меня и выбросили в окно. Они так и сделали.

– А где была ваша шпага и как они посмели высечь английского офицера и дворянина.

– Я им так и сказал. Шпагу они сломали и выбросили в окно, как и меня. Я хочу убить этого русского медведя лично.

– Вы сможете это сделать, но завтра утром. Не будем поднимать шум в гостинице. Как только они немного отъедут, мы нападём на них. Сколько их? Три мужика лакея, один кучер. Это не охрана. Нас десять человек.

– Так мужики здоровенные, как быки на выставке.

– Мужик он и есть мужик. У нас сабли и пистолеты. После первого же выстрела они разбегутся.

– На таком морозе пистолеты могут и не выстрелить.

– А шпаги нам на что? Стыдитесь лейтенант. Десятеро против одного. Мы с ним быстро овладаем. Последний удар будет за вами, я вам обещаю.

– А что с женщиной делать. Там с ним, какая-то графиня едет с интересным именем Дагу, так вроде ее назвал Волков, хотя я плохо понимаю по-итальянски.

– Оставлять ее в живых нельзя. Я ее поручу солдатам. Все, всем отдыхать. Выезжаем затемно и готовим засаду.

Этот разговор не слышал Волков, иначе бы он их всех в гостинице кончил. Он мирно спал, обняв Дагу. И в этот раз он моментально заснул возле нее. Хорошая нервная система, так бы сейчас сказали. А вот Дагу заснуть сразу не смогла. Она не могла понять, то ли она настоящему влюбилась в Семена, и он смог так легко повелевать ею. То ли, она его раба, а вот это ей совсем не подходило. Она знала, что пробудет с Волковым определенное время. Может год, может два, но рано или поздно она уйдет от него. Прекрасно она понимала и другое. Он князь и никогда не женится на ней, вот если женится, то она останется возле него на всю жизнь. С этими мыслями она и уснула. Разбудили ее на рассвете.

– Графиня собирайтесь живее, вас ждет карета. Скоро ты увидишь российские просторы и полюбишь Россию.

Собирались не долго, и тронулись в путь. Карета ехала медленно, но Семен и не торопился. В России они пересядут на санки и лихо поскачут в Петербург. За поворотом на них выскочили всадники. Кучер стеганул лошадей, но от верховый уйти было невозможно. Прозвучало несколько выстрелов, одна из пуль попала в карету. Семен выглянул в окно. На них неслись всадники. Пешим не устоять против такой силы, это было понятно. Вот тут во всей красе показал себя Кошта. Когда один из нападавших приблизился к нему, он метнул в него нож. Нож точно попал в горло. Всадник еще не упал с коня, а Кошта уже успел запрыгнуть на лошадь. Он нагнулся и ловко поднял шпагу со снега. Это было уже, что то. Можно было организовать оборону.

– Сиди тихо в карете Дагу и не высовывайся, кто бы тебя ни позвал. Я скоро.

И Семен выскочил из кареты, лихо, забравшись на нее. Лакеи действительно побежали к лесу, но не совсем, а только за дубиной. Тут капитан серьезно ошибся в тактике боя. Пока Семен отбивался от двух нападавших, те уже успели уложить пятерых на снег, со слабыми признаками жизни. Потом и еще двое прилегли на снег, но Гаврила и Гришка уже были на конях и со шпагами. Капитан, было, хотел ускакать, но его из седла выбил Кошта. Последний сдался сам, подняв руки кверху. Всего оказалось девятеро нападавших. Семен шпагу вложил в ножны.

– Давайте сюда этого капитана, будем суд вершить.

Капитан, молча, подошел к Семену.

– Зачем я вам понадобился капитан? Вы же могли зайти ко мне в номер и мирно побеседовать со мной. Как, например, ваш лейтенант. Интересно, а почему он не с вами?

– Лейтенант не смог утром подняться с кровати, я уже не говорю о том, что бы сесть в седло. А зачем вы мне нужны, вы это сами прекрасно знаете. Я солдат и выполняю приказ. Надеюсь, вы не убьете пленного офицера.

– Ох, уж мне эти офицеры. Скажите, что вы еще и дворянин.

– Так оно и есть. Я дворянин и горжусь этим.

– Разве дворянин может нападать из-за угла, как какой-то разбойник. Где ваша честь офицера и дворянина? Хотя я вам сейчас покажу где она у вас. Гаврила и Гришка ко мне. Солдат не трогать. Они подневольные люди. Приведите их в чувства. Ах, уже привели. Прекрасно. Пусть сидят и отдыхают. Если побегут, ловить их не надо. Я им сейчас покажу где у этого капитана честь. Положить его на козла и высечь, предварительно сняв с него портки. Кошта, еще разок и так же красиво. Дагу, радость моя, можешь выходить. Иди, погляди, как еще раз секут английского дворянина. Такого в России ты больше не увидишь.

В окне кареты появилось прекрасное личико Дагу. На этот раз она смотрела на экзекуцию с большим интересом. Рот англичанину ни кто не закрывал. Его душераздирающие крики были слышны на весь лес. Кошта и на этот раз справился отлично со своим заданием.

– Все довольно, а то он не дойдет до гостиницы. Придется пешочком добираться, вам теперь лошадка ни к чему, как и вашему лейтенанту. Лошадей забрать, как трофеи. По местам ребята, поехали домой. Вон она Россия, уже видна.

VI

С въездом в Россию проблем не было. Как только Волков назвал себя, открыли шлагбаум и их тут же пропустили. На постоялом дворе они оставили трофейных лошадей, оставив только одну, пересели на санки и лошади лихо помчались по российской земле.

Часто меняя лошадей и останавливаясь в яме, только, что бы переночевать, Волков со своим эскортом подъехали к Петербургу. Семен приказал вознице остановиться. Перед ним стояла дилемма, отправить Дагу и Кошта в свое имение, но они не говорили по-русски и дома их бы ни кто не понял. Придется брать их с собой, сразу в Петербург. Он приказал седлать коня, которого забрал у английского капитана и переделался в походный мундир.

– А теперь Кошта, слушай меня внимательно. Мы едем в Петербург. Это там, в Италии, я был твоим заговорщиком, собутыльником и другом. Теперь все круто изменяется. Я не последний человек в России, я столбовой дворянин и князь по рождению, что бы тебе было лучше понятно, я в России вельможа. Теперь ты должен обращаться ко мне ваше сиятельство или хозяин. Как тебе будет угодно. Когда мы из Петербурга приедем в мое имение, тут будет тебе большое послабление, ты сможешь звать меня по имени и отчеству Семен Андреевич. Службу я тебе нашел, обижен не будешь. Денег накопишь и сможешь вернуться к себе на родину, когда пожелаешь. Ты не раб, а вольный человек. Тут я тебе даю свое слово. Это все не касается Дагу, к ней ты так же будешь относиться, как к своей госпоже, хотя бы на людях. Ты все понял?

Кошта давно все понял, что его новый друг не простой человек, особенно, после того, как он властным голосом приказал сечь офицеров. Простой человек бы на это ни когда не решился. Он хорошо знал англичан, служил в их армии и понимал, что такое высечь британского офицера. Только, за одно неповиновение офицеру, там могли тут же казнить на месте. Тут он сразу и ответил

– Слушаюсь и повинуюсь вам мой хозяин. Вы вправе рассчитывать на мою жизнь

Семен был честолюбив, так его воспитали и ему понравился ответ Кошта. Семен прищипорил коня, и они въехали в Петербург. Возле большого и красивого дома Семен остановился. Навстречу ему выбежал лакей и стал кланяться, приговаривая, ах, ваше сиятельство, ах, ваше сиятельство

– Федор, хватит кланяться и причитать, поднимай всю прислугу, засиделись вы тут у меня, поди, и не ждали хозяина.

Семен не держал большую челядь, когда его не было в Петербурге, считал это лишним, жить на широкую ногу он не любил. Просто, соблюдал правила поведения, того времени, титул обязывал. Все вещи были внесены в дом.

– Так Федор. В доме холодно. Затопить все каминны и печи. Девушку помести в спальню, рядом с моей и покажи ей весь дом. Вот этого, страшного вида человека, поместишь на втором этаже, рядом со своей комнатой, он с прислугой жить не будет. Мне ванну, побриться, чистое белье и костюм для особых визитов. Кухарке приготовить хороший ужин, я голоден как волк, а эта заморская пища, мне уже стала поперек горла. Щи, кашу и жареного мяса. Водочку, селедки и квашеной капусты. Для девушки приготовьте, чего-нибудь другого, хотя не надо. Пусть ест нашу пищу, привыкнет быстрее к России. Через час, что бы карета стояла у подъезда. Все, исполняй.

Пока Семен мылся в ванной, Дагу показывали дом. Такого великолепия она ни когда не видела в своей жизни. Потолки и стены в золоте. Вокруг висят прекрасные картины. Изумительной красоты паркетный пол, выложенный разноцветным ковром. Она все могла себе представить в жизни, но такой роскоши она ни когда себе представить и не могла. Слуги ей кланялись, и она почувствовала себя царицей. Сегодня я подарю Семену настоящую любовь, я счастлива, подумала Дагу и пошла в свою спальню. Там стояла огромная кровать, в камине горел огонь и потрескивали дрова. В эти минуты, жизнь показалась ей прекрасной.

Семен принял ванну, его побрили и он оделся. Нужно было нанести визит канцлеру. Уже было поздно, и ехать в департамент не имела смысла, и он решил ехать к канцлеру домой. При выходе, он еще дал распоряжения.

– Федор. Когда я уеду, доставить сюда мадам из модного дома. Пусть всю обмеряют Дагу, и дожидается меня, я приеду и распоряжусь на счет платьев для девушки. Утром найти мне учителя русского языка, который знает хорошо итальянский или арабский языки. Что непонятно?

– Так поздно уже, как я приведу мадам из модного дома? А учителя завтра найдем-с. Тут сложного ни чего нет.

– Узнаешь, где она живет, и привезешь ее сюда, хоть под конвоем. Исполнять.

Федор поехал к канцлеру. Граф Никита Иванович Панин жил неподалеку от Зимнего дворца, в великолепном здании, украшенном атлантами и кариатидами. Семен не был хорошо знаком с графом. Да, они знали друг друга, встречались на балах и приемах, но лично ни когда не беседовали. Канцлер находился рядом с Екатериной Великой, а Семен был простым рабом Императрицы, хоть и князем. Панин недавно женился на красивой молодой особе и был без ума от нее.

VII

Граф Никита Иванович Панин, большой умница. Высший сановник при Екатерине Великой. Русский дипломат, государственный деятель. Наставник Великого князя Павла Петровича и наконец, канцлер России. Он был очень богатым человеком. Его огромные имения были по всей России, он владел тысячами людских душ, распоряжался многими судьбами людей и в то же время оставался скромным и порядочным человеком, безгранично любящий Россию. Он рано овдовел и полностью отдался службе родине. Были у него мысли о женитьбе, но все было, как-то недосуг. За него бы с радостью пошла бы любая девица замуж, но пошла бы не по любви, а по корысти, а вот этого он и не хотел. Он знал нравы Петербурга, а ходить с рогами канцлеру, как-то не к лицу. Была у него экономка, где он справлял свою мужскую нужду, этим и ограничивался. Человеком он был твердым, жестокостью, это было назвать нельзя. Он умел не только карать, но и миловать, что делал, гораздо чаще. А врагов у Панина было не счесть. Каждый хотел подставить ему ножку, что бы самому приблизиться к Императрице. Человек с возрастом становится сентиментальным. В один из зимних дней ему сообщили, что умерла его кормилица. Раньше бы он на похороны не поехал, кто она такая для него, крепостная баба, хоть он и любил свою мамку с детства. Но детство прошло, и он ее давно не видел, хотя все и сделал, что бы она остаток жизни прожила в сытости и достатке. Жила она в его ближнем имении, от Петербурга, вот он и решил поехать и похоронить ее по чести. По зимнику быстро доехать можно, а дела неотложные и подождать могут, вот он и поехал. Эскорт большой не взял, кого ему бояться в России. Похоронили честь по чести, отстоял заупокойную и утром по тракту отправился назад в Петербург. Утро солнечное, ясное. Ехали споро, а вот к обеду пригнало облачко с Запада, и разыгралась метель. Поворачивать назад не имело смысла. Проехав еще несколько верст, метель усилилась, вот тут его возница и предложил.

– Ваше сиятельство, пока дорогу не занесло-то, может, свернем в ближайшее имение, тут недалеко поворот на тракте в имение Калугиных. До постоялого двора, можем и не доехать. Собьемся с дороги, потом не отыщем. Переждем метель, и домой поедем. Глядите, темнеет уже, как бы буран не разыгрался. Можем и пропасть тут.

– Сворачивай Никодим. Ты прав, замерзнуть мы всегда успеем.

До имения было несколько верст и когда они подъехали к дому, действительно, метель перешла в буран. Хозяева были дома и готовились отужинать. Калугины, потомки древнего дворянского рода, состояли в кровном родстве с большими боярскими фамилиями. Раньше их земли были необъятными, а число душ, и сосчитать было невозможно. Но все это было в прошлом. Как-то незаметно их род обеднел. Имения раздробились по многочисленным детям из их рода, потом и обеднели. У них был небольшой дом в Москве, построенный еще при царе Горохе и небольшое имение в душ пятьдесят, не больше. Подрубил под корень состояние Калугиных их дражайший сынок поручик драгунского полка. Он умудрился проиграть в карты тридцать тысяч рублей. Пулю в лоб он пускать себе не захотел и родители его, заложив почти все свое имущество, рассчитались по долгам сына. Сын отправился в Оренбургские степи охранять границы родины от супостата, там, на большие деньги в карты больше не было с кем сыграть, а родители с дочкой отправились жить в свое заложенное имение. Перспектив в жизни, ни каких. Была у Калугиных еще и дочь Елизавета. Красивая стройная девушка. Ей прочили хорошую партию в жизни. Калугины, это хорошая фамилия и взять из них себе жену считалось незазорным ни князю, ни графу. Родители возлагали на нее большие надежды. Вот Лизоньки вырастит и спасет их род от разорения. Лизу рано вывели в свет. Её и в Петербург часто возили, женихи засматривались и пока еще размышляли, а тут ее братец и проигрался в карты. В общем-то, греха большого в том не было, частенько сыновья больших фамилий проигрывались в пух и прах, и их родителям приходилось рассчитываться за долги сыновей,

но то было у богатых родителей. То, что Калугины напряглись и рассчитались с долгами сына, узнали все. Невеста очень красивая, но все же бесприданница. Как-то пыл у женихов питерских поостыл, может и выждать стали. Было несколько предложений от московских женихов с хорошей фамилией, но тут Калугин старший не торопился, ждал для своей дочки более богатого жениха. Потом и эти женихи пропали. Были и предложения от мелкопоместных дворянчиков, Елизавета была согласна и на этот брак, но она была дочь своих родителей и ослушаться их воли не могла, а они отказали и им. Время шло и предложения кончились. Сама Елизавета уже и не чаяла выйти замуж, ей было уже впору в монастырь собираться. Она хотела любить и быть любимой, страсть раздирала ее душу, а вот применить свою страсть на деле было не с кем. Теперь Калугин отец был бы рад выдать дочку замуж и за простого помещика, но в округе, где они жили, все были женаты, а вывести дочку в свет и одеть ее подобающе, на то денег уже не было. Страсть в душе Елизаветы бушевала и не стихала. Вся страсть уходила со слезами, которые впитывала ее подушка по ночам. На то время, когда граф Панин к ним заехал, Елизавете шел тридцатый год. Теперь и она понимала, что быть ей старой девой и доживать свой век придется бог весть где, если отдадут имение за долги. На братца надежды не было никакой. Он женился на безземельной дворянке и жил на свое офицерское жалованье. Когда граф подъехал к дому Калугиных, его встретил плохо одетый холоп. Кто такой Панин он ни когда не слыхивал, а то, что граф, так ему плевать было. Он нехотя пошел доложить господам о приезде гостя. Калугин старший, как услышал, кто к ним приехал, вылетел на крыльцо, чуть ли не в исподнем. Как простой мужик он стал кланяться графу и причитать.

– Проходите, проходите, ваше сиятельство.

Елизавета посмотрела на своего престарелого отца, ей стало неприятно, и она ушла в свою комнату.

– Батюшка Никита Иванович, какая неожиданная встреча. Заходите в дом. Согрейтесь-ка. Метель, какая на дворе, прямо ужас какой-то. Мы вас не ждали, и потому на столе больших разносолов нет. Мы живем по-простому в имении-то. Щи да каша, вот и радость наша. Знали б заранее, что ваше сиятельство нас посетит, так мы бы сподобились и подобающие закуски на стол поставить.

Граф знал Калугина старшего, но это было давно, еще в его юности. Ни как не мог вспомнить, как его отчество. Все же вспомнил, как звали его отца, память не подвела.

– Полноте Александр Романович гнуть спину передо мною. Мы к вам ненадолго. Переждем вьюгу и отправимся в Петербург. Не надо так хлопотать.

В доме было хорошо натоплено. Панин снял шубу. На столе, действительно стояли щи и каша пшеничная. Давненько граф не едал таких постных щей, и ему захотелось их отведать. Супруга Калугина хлопотала возле Никиты Ивановича, оттеснив рябую девку, которая прислуживала за столом. Потом и водочки выпили. Граф пришел в хорошее расположения духа. Спать ложиться было еще рано. Вот он и завел беседу с хозяином дома.

– Вы что тут с женой одни живете?

– Нет, ваше сиятельство. Дочка с нами. Вы как приехали, она к себе в комнату и ушла. Сейчас я ее позову. Лизонька, свет мой ясный иди я тебя познакомлю с Никитой Ивановичем.

– Вошла красивая женщина с прекрасными формами и длинной русой косой. В ее бездонных голубых глазах граф прочитал огромную тоску. Почему-то они оба покраснели. Никита Иванович принял свое покраснение за выпитую водку в жарком помещении, а, вот, что подумала Елизавета, то и ни кто об этом не узнает. Она пробыла в комнате еще некоторое время и, сославшись на головную боль, ушла к себе в комнату.

– А что, Александр Романович, дочка твоя не замужем? Ведь красивая девка-то.

– Кто возьмет в наше время бесприданницу? Были женихи, да сплыли. Сам виноват, искал для Лизоньки солидную партию, да и прогнал всех со двора. Теперь бы и рад выдать замуж, но Бог женихов больше не дает. Девица красивая, всем на загляденье, а быть ей девкой

вековухой. Давайте Никита Иванович выпьем еще по рюмочке и можно спать ложиться. Вам постелили в гостевой комнате. Там тепло и будите поживать спокойно.

Наутро метель прекратилась. Опять светило яркое солнце и граф укатил на своей тройке с бубенцами. Калугины этому визиту, не придали ни какого значения. Принесло гостя и унесло. Хорошо, что метель прекратилась, а то чем было кормить графа. Опять, щи да каша. Кому приятно показывать свою бедность. Хорошей фамилии приходил конец. А вот Никита Иванович не забыл встречу с Елизаветой. Правда, поначалу он и не думал о ней. Закутался в шубы, тройка шла резво, тут он о политике и стал размышлять, как понял, что ни о политике он думает, а о Лизавете все его думы. Красивая девушка, такая если обнимет, то, как шкварка на сковороде обгоришь. Застоялась и любви в ней море. Если она выплеснет всю любовь на тебя, тут и утонуть не долго. А чем черт не шутит. Если по своей воле за меня пойдет, женюсь. Мне она по принуждению отца ни к чему. Его проняла любовная истома, жаль экономки рядом не оказалось. Он еще глубже закутался в свои меха, закрыл глаза и уснул. В Петербурге жизнь его закружила. Много неотложных дел, голова кругом. Война с Турцией, интриги англичан, все это на время отодвинуло размышления, которые были у него, после отъезда от Калугиных. Вот и первое солнышко пригрело. Граф попарился в баньке, выпил квасу, и так ему захотелось настоящей, не покупной любви, он чуть не завыл от этого чувства. Пятьдесят с хвостиком не возраст для мужчины. А Лизонька, действительно хороша, подумал он. Как бы Калугиных в Петербург вызвать? Время балов прошло. Ни каких поручений Александру Романовичу дать невозможно. Через сына шалопутного действовать не стоит. День рождения далеко, аж в сентябре, но это мое день рождения. Двадцать первого апреля день рождения Государыни, но Калугины бедны, хоть и древнего рода, чего им там делать. А, почему бы и не пригласить, кто мне может помешать в этом, все приглашения идут через меня. Граф кликнул лакея, и ему принесли перо и бумагу. Завернувшись в простыню, он начал писать.

– Милостивый государь Александр Романович. Учитывая ваш теплый прием, который вы мне учинили, когда я чуть не пропал в пурге, хочу отблагодарить вас и приглашаю вас к себе с вашей фамилией. Буду рад видеть вашу супругу и вашу дочку вместе с вами семнадцатого апреля сего года. А так же хочу сообщить, что Государыня наша Екатерина Алексеевна желает вас видеть на балу в честь ее дня рождения. Ваша семья относится к древнему российскому роду, коим и надлежит явиться на бал. Подпись. Граф Н. И. Панин.

Запечатав письмо, он велел его тут же отправить. На такой радости он выпил рюмку водки, закусив соленым груздем, отправился к себе ужинать. Получив письмо графа, Калугины были безмерно счастливы. Зачем они понадобились Панину, они в толк взять не могли. Подумаешь, путника согрели во время метели, так они бы и приняли простого мужика. Не погибать же христианской душе в снегу. О видах графа на Лизу, у них и в голове не было. Кто Панин и кто они, тут и думать не надо. Радость их длилась не долго. К Панину, еще в дом можно было зайти, а вот в какой одежде на бал идти? Жена еще может достать из сундука свои платья, в центре бала они не будут, ни кто и не заметит, что наряды были сшиты Бог весть когда, а вот во что Лизоньку одеть-то? Последний раз они справляли ей платье лет пять назад. Она одевала его всего один раз, но все это уже вышло из моды и выглядеть Лиза будет в нем как пугало на огороде. А вот ей на бал надо больше, чем кому-либо попасть. Может, кто и обратит на нее внимание. Приглашение Императрицы дорогого стоит. Такого шанса больше в жизни не будет. А вот где денег взять, тут Александр Романович ума приложить не мог. Можно, конечно и последнее заложить, что осталось. Но, что с ними станется, если жениха не будет. Ладно, черт с ним и его женой. Тут помирать скоро, а вот, что с Елизаветой станется. Куда ей-то идти? Не Христа же ради, просить по богатым домам. Вот тут Калугин и закручинился. Федот, да не тот. Ободрать своих же крестьян, он уже не мог, те сами ходили в лохмотьях и денег у них и на полушку не достанешь. Была учинена генеральная проверка. Он приказал одеться всем своим женщинам. Жена выглядела хорошо, по его меркам. Хоть, у Лизы

было кислое выражение лица, но выглядела она восхитительно в своем белом наряде, жаль, на ней не было драгоценностей, а какова мода в Петербурге ни кто из них и не знал. Тут бы смех не вызвать. Елизавета, по большому счету и ехать ни куда не хотела.

– Папенька, не поеду я ни куда. Какой бал для меня. Скажут старая дура и на бал при-
тащилась. Скажете графу, что я занемогла, вот и не приехала. Я, действительно, себя плохо
чувствую.

– Занемогла ты, потому, что мужика у тебя нет. Будет муж, и расцветешь ты как аленький
цветочек. Еще и внука мне успеешь подарить. Цыц девка, когда отец говорит.

– Вы уже поговорили, что я старой девой осталась. Теперь и не трогайте меня. Никуда
не поеду и все.

Старый Калугин тут же смягчился.

– Прости меня Лизонька, дурака старого, да, каюсь, грешен, но что сейчас делать-то.
Давай в последний раз рискнем, может, и ты моя радость узнаешь, что такое бабье счастье.
Я же вижу, что ты любви просишь, и сердце мое кровью обливается. Поедем, а? Нам там без
тебя делать нечего. Не поедешь ты, не поедем и мы с матерью.

Александр Романович, все же уговорил Лизу ехать в Петербург. Споро и собрались. Сели
в свою старую коляску, запряженную одной неказистой лошадкой, и медленно поехали в сто-
лицу. Граф принял их приветливо, хотя бедность их, его и удручала. Это для Калугина они
выглядели пристойно, но в Петербурге и лакеев так плохо не одевают. Приехали они к нему
поздно, он накормил их и уложил спать, а сам задумался. Надо с Лизой поговорить с глазу
на глаз, что бы отец ее не мешал. Но как это сделать? Куда спровадить чету Калугиных-то?
В политике он был силен, а вот в любви слаб. Из давней родни Калугиных в Петербурге жил,
только, граф Головин, но он был стар и немощен. Ни кого не принимал и жил в уединении.
Единственный сын его погиб на дуэли, а дочери вышли замуж и жили своими домами. Об этом
Панин узнал заранее. Сам он к Головину не поехал и решил послать ему записку. Было уже
поздно, но зная, что старики не спят по ночам, он послал графу посыльного с запиской и строго,
настрою тому приказал.

– Делай, что хочешь, хоть в окно запрыгни, а записку доставь до адресата. Не исполнишь,
выпорю так, что надолго запомнишь, и обратно в деревню отправлю.

Другого выхода у него не было. В записке он изложил свою просьбу.

– Дорогой Иван Георгиевич. Очень прошу вас принять своих дальних родственников.
Расскажите им о своих болячках и продержите у себя два часа. Мне это очень нужно. Век буду
вам обязан. Жду вашего ответа, через моего посыльного. С уважением. Граф Панин.

Старик Головин, в свое время был бравым офицером и гулякой, можно было быть с ним
и более откровенным, но Панин побоялся огласки этого дела. Не молодой уже, да и должность
канцлера обязывала. Предложи он Калугину в лоб, отдай, мол, дочку за меня. Тот бы повалится
в ноги и силком дочку потянет под венец, а вот этого как раз Никита Иванович и не желал. Он
захотел сам и открыто поговорить с Елизаветой. Его лакей долго ломился в дом Головиных,
но парень он был башковитый и в деревню обратно ни как ехать не хотелось. Пусть секут
сколько душе угодно, но замечательную Петербургскую жизнь он ни на что не променяет. Тут
были доступны ему все радости жизни. Он бы и головой прошиб дверь, но ему открыли ее
изнутри.

– Срочная депеша вашему хозяину от его сиятельства графа Панина, заорал он.

Перед ним стоял лакей, такой же древний, как и его граф. Кто такой граф Панин, он
и понятия не имел, выше его хозяина для него ни кто и не существовал.

– Чего орешь, супостат ты этакий. Ты посмотри, какое время на улице. Граф ни кого
не принимает.

Тут посыльный смекнул, надо слезу пустить, иначе дело не выгорит.

– Послушай дедушка милый и слезы закапали из его глаз, меня засекут до смерти, если я записку твоему барину не доставлю. Помилуй меня.

Такие слезы подействовали на старика.

– Заходи в дом. Отнесу я записку барину, чай не спит еще. Богу молится.

Действительно, старый граф не спал. Он читал какой-то древний роман и вспоминал молодость. Все, что было пятьдесят лет назад, он помнил, как Отче наш, а вот, что было вчера, он запомнить уже и не смог. Посланию он удивился, а когда прочитал и вовсе ни чего понять не мог. Калугины, Калугины, да, черт его знает, что за родственники. Удружу графу Панину, да, кто такой граф Панин, видать Никитка, Иванов сын, молоденький совсем, наверно, проказничает. Ладно, помогу, чем смогу. Ответ его был краток.

– Таких родственников не упомяну, но если ты Никитка Панин, то помогу тебе, озорник ты эдакий. С твоим папенькой мы знали и хорошо гуляли.

Никита Иванович потирал руки, искусство дипломатии помогло ему в этом щекотливом мероприятии. Дальше все просто, Калугиных старших к Головину, видать старик совсем из ума выжил, голову он им заморочит, а я с Елизаветой побеседую. После завтрака и объявил Калугину.

– Вас хочет видеть граф Головин, он же вам родственником приходится, если я не ошибаюсь. Он уже больше на небе, чем на земле, может из наследства вам хочет чего оставить. Поезжайте к нему, а Лиза пусть в доме остается, чего ей у старика делать. Я тут получил старинные гравюры из Берлина, пусть посмотрит их, я хочу знать ее мнение.

Панин знал куда бить. Бедность Калугиных заставит их поехать к графу. Так все и вышло, Панин и коляску свою им одолжил. Пусть покатаются. Калугины приехали к Головину. А вот тут, чуть конфуз и не вышел. Что было ночью, тот уже забыл и наотрез отказался принять Калугиных. Его лакею стоило большого труда, что бы объяснить хозяину, что он все же приглашал к себе гостей. Час оказался полной каторгой для Калугиных, а пришлось просидеть у старика гораздо дольше. Они себя тешили мыслью о наследстве. Все время пытались повернуть разговор в нужное русло, но так ничего и не добились, кроме постного чая. Но это не волновало Панина. Как только Калугины уехали, он тут же перешел к основному действию, боясь, что вскоре появятся родители Елизаветы. Начал он осторожно, а потом сразу перешел к делу.

– Елизавета Александровна.

Лиза поняла все сразу, когда поглядела на графа. Они оба покраснели, как и при первой их встречи.

– Я старше вас и специально остался с вами наедине. Я не хочу вас принуждать и потому говорю именно с вами, а не с вашим отцом. Не желаете ли вы составить мое счастье и выйти за меня замуж. Мне бы очень не хотелось, если вы скажете да, из-за боязни остаться старой девой или из-за моих денег. Я хочу любви и буду вас любить до своей смерти. Родителей ваших я уберегу от бедности, но денег я им не дам. Я не хочу, что бы говорили, будто я вас купил. Вот так без хитростей, как и я, вам все сказал, хочу услышать ваш ответ.

Елизавета не сразу ответила, хотя уже и знала, что ответить. При всем ее желании выйти замуж, она была очень порядочным человеком. У нее было большое сердце. Граф говорит со мною открыто и честно, и я ему отвечаю честно.

– Я буду вашей женой граф. И не по тому, что я бедна и могу остаться старой девой. Вы достойный человек и я буду любить вас, пока Господь не разлучит нас. Я вам обещаю это.

Она еще хотела говорить, но Панин посмотрел ей в глаза и понял, она не лжет. Не могут такие глаза лгать. Его не проведешь, кой чего он в жизни своей поведал.

– Не надо Лизонька ни чего больше говорить. Мне все понятно. Я намного старше вас, но не слепой.

Граф поцеловал Лизе руку. Та обняла его.

– Как же долго я вас граф ждала.

Их уста сомкнулись в долгом поцелуи. А тут и Калугины расстроенные приехали. Никита Иванович отправил Лизу в ее комнату, а сам решил поговорить с ее отцом.

– Ну, что там Головин? Как его здоровье?

– Здоровье хорошее, а вот с головой не все в порядке. Ни как не могу взять в толк, зачем он меня к себе приглашал, и, вообще, ни как не могу понять, как он мог узнать, что я в Петербург приехал. Живет полным затворником. В доме не метено лет пятьдесят, не меньше.

– Ну, это не беда. А не выпить ли нам по рюмочке анисовой, для аппетита. У меня к вам разговор серьезный есть.

– По рюмочке-то оно можно, а вот какой серьезный разговор может быть между нами, тут я в толк не возьму. Мне трудно понять, что я в Петербурге делаю. Меня давно все забыли, как будто меня и в живых давно уж нет.

– А вы подумайте Александр Романович, может и есть причина.

Калугин напрягся. Ни каких мыслей в голове у него не было, и он непонимающе смотрел на графа. Тем временем Никита Иванович разлил в рюмки анисовую водку.

Будем здоровы Александр Романович.

И они чокнулись.

– А теперь, зачем я вас пригласил к себе. Как вы смотрите, если я попрошу у вас руки вашей дочери?

Калугин, чуть не умер с перепугу и упал в ноги к Панину, причитая.

– Так мы завсегда вашей милости даем свое полное согласие.

Дальше Панину было не интересно смотреть, как отец его невесты унижается.

– Встаньте с колен Александр Романович. Вы же дворянин, потомок великого боярского рода. Это мне безродному перед вами на колени становится надо

Тут Панин немного покривил душой. Род Паниных был не менее знатен.

– Так вы согласны? Но я бы не хотел принуждать вашу дочку, я старше ее. Я бы хотел выслушать ее ответ.

Тут Калугин сорвался с места и побежал за дочкой, хотя этого делать было и не надо. Можно было и лакея послать.

– Елизавета, граф Панин пожелал твоей руки, что ты скажешь на это?

Калугин с мольбой посмотрел на дочку. Вдруг она взбрызнется и откажется. Это будет его крах. Лизавета уже давно все поняла. Любовь уже началась между ними, и она подыграла, теперь уже своему мужу. После этого граф влюбился в Елизавету на всю свою жизнь. Может, раньше в нем разыгралась мужская похоть, но теперь он понял, Лиза его и Лиза его на веки.

– Я не могу послушаться вас папенька. Если вы того желаете, я буду женой графа.

И стала на колени между двух мужчин. Отец ее с радостью поднял с колен. Тут и мать появилась и икона. Все было слажено по православному обычаю и Панина с Елизаветой благословили ее родители. Свадьба была назначена через месяц. Был накрыт роскошный стол. Давно Калугины так не ели. На радостях Калугин старший так напился, что его жена полуживого сама увела в спальню. Елизавета и граф остались вдвоем. Лиза ни сколько не стеснялась его. Они понимать стали друг друга сразу и с одного взгляда. Это уже была крепкая семья.

– Граф.

– Не надо так официально, мы теперь вдвоем. Зови меня просто Никита, на людях, можно и отчество добавить.

– Я еще не привыкла так. Но, постараюсь.

– Никита Иванович, я сегодня ночью приду к вам

Елизавета посмотрела в глаза графу.

– Это не безрассудство. Я хочу любить и быть любимой. Чего тянуть. Я так истосковалась. Не думайте, что я такая испорченная. Чего ждать-то? Я от вас ни куда не уйду, да и вы мне кажетесь искренним в своем желании видеть меня своей женой.

У Никиты Ивановича мелькнуло в голове. А вдруг она уже и не девица, потом и не отвертись. Он вновь взглянул в глаза Лизе, там он увидел, только бездну любви. Он обнял Лизу. Вот с этой минуты, повелитель России попал под каблук своей жены. К радости Панина Елизавета ни когда в своей жизни этим не воспользовалась. Она только любила Панина и больше ни чего не желала для себя. А сам Никита Иванович в ней души не чаял. Лизонька, моя Лизонька.

Граф разделся и лег в свою постель. Сердце его сильно билось. Скрипнула дверь и в ночной сорочке появилась Лиза. Он ни секунды не колебалась и нырнула под одеяло графа. Если бы кто-то еще вчера сказал бы Никите Ивановиче, что такое может с ним случиться, в лучшем бы случае, этого человека высекли до беспамятства, о худшем я и говорить не хочу. Лиза осыпала его горячими поцелуями. Граф со страхом вошел в Лизу и тут же получил полное блаженство, Лиза оказалась девицей. Она застонала тихонько, очень сильно прижала своего любимого к себе. От нее шел жар, словно графу в постель положили раскаленные угли. Давно такой ночи не было у Никиты Ивановича.

Вот и день рождения Императрицы. По придворному этикету канцлер первый входит в зал, что бы поздравить царицу. Ничего не говорил Екатерине Панин, о своей помолвке. По Петербургу уже ходили всякие слухи, но они не дошли еще до Екатерины. В зале эхом пронеслось. Его сиятельство, граф Никита Иванович Панин, канцлер России вместе со своей невестой Елизаветой. Императрица повеселела. Вот так подарок для меня, подумала она. Посмотрим, чего это для себя присмотрел граф. Панин, украшенный голубой лентой и при всех орденах поклонился Императрице, Лиза склонилась в низом реверансе. После всех поздравительных слов Екатерина сказала.

– Я принимаю ваши поздравления и рада за вас. Примите и мои поздравления. А невеста хороша. Из какой фамилии твоя Елизавета?

– Калугина она, ваше величество.

– Жаль, не знаю таковых. Но ты граф на безродной не женишься, я это понимаю. Рада буду побеседовать с твоей супругой. На свадьбу-то позовешь?

– Будет и вам ваше величество приглашение, я ваш раб.

– Ладно, ладно проходи в зал. Русская душа потемки. Седина в бороду, а бес в ребро. И ты туда же Никита Иванович.

Все было великолепно. И бал, и фейерверк, устроенный в честь царицы. В каком состоянии прибывал Никита Иванович, это понятно, так его тесть, так же прибывал рядом с ним. Оказалось, что у него пол Петербурга близких родственников, и каждый из них желал видеть Калугина старшего у себя дома. Тут разволновалась и Лизавета. Что бы ее папаша ни наделал глупостей, она сказала графу, что бы он отправил родителей домой, а сама осталась, сославшись на то, что ей надо готовиться к свадьбе. Заказаны наряды и платья и все это надо ежедневно примерять. Родители и не спорили, тут же уехали, хотя и Александр Романович и порывался остаться. Теперь Лизавете было не нужно тайком пробираться в спальню жениха и она спокойно зажила с ним, как муж и жена. Панин разрывался между службой и Лизонькой, как он ее нежно называл. Он здорово помолодел и подтянулся. Работал с охотой, ел превосходно, а по ночам возвращал все пропущенное за многие годы вдовства. Как и предполагал граф, Лиза выхлестнула на него всю свою страсть и любовь. Теперь он трудился днем и ночью. Днем для отечества, ночью для души и Лизоньки.

Как ни пытался Панин сделать свою свадьбу скромной. Из этого ни чего не вышло. Тысяча гостей, со всеми послами со всей Европы. Императрица посетила их свадьбу и выпила кубок за здоровье молодых. Пир, как говорят на Руси, был на весь мир. Лиза выглядела великолепно, украшенная бриллиантами семьи Паниных. Кстати, и Никита Иванович выглядел прекрасно. За месяц, что Лизонька жила с ним, он помолодел на лет двадцать, не меньше. Лиза понимала своего мужа с полу взгляда и с полуслова. Никита Иванович понял, что он нашел свою половину. Лиза его и на веки. После свадьбы Лиза сама отправила родителей в имение.

Оно было тут же выкуплено, разорение Калугиным больше не грозило и родители оставили дочку в покое, не мешая ей в жизни. Им хватило ума, не мешать канцлеру, работать. Вот такая любовь была у Никиты Ивановича Панина.

VIII

Лакей объяснил Семену, что господин его, недавно отужинав, изволят отдыхать и ни кого не принимают. Семен еще подумал, ну да, конечно, подкрепился и под одеяло к своей молодой улегся. Все мужчины одинаковы, и я сейчас поужинаю и к Дагу пристроюсь. Но сказал он другие слова.

– Передай его сиятельству срочно, приехал курьер из Рима с депешей Волков Семен Андреевич.

Лакей поклонился, но наверх пошел, не очень желая этого, видимо граф был в объятиях Гименеи. Семена приняли, достаточно быстро. Граф был в домашнем халате и раздражен. Семен начал с доклада.

– Курьер из Рима, ваше сиятельство. Разрешите обратиться.

Тут Семен больше скоморошничал, чем говорил серьезно, но граф принял это за чистую монету.

– Зачем так кричать, голубчик. Вы же не на плацу, я вас и так прекрасно слышу. Как только мне назвали вашу фамилию, я подумал, что вы решили вызвать меня на дуэль, как того англичанина, которого вы закололи в Риме. Приготовьтесь к серьезной опале. Государыня раздражена. Англичане требуют, что бы вас примерно наказали.

– Дальше России не сошлют ваше сиятельство. Я же дома, чего мне бояться-то?

– Ладно, ладно, потом об этом поговорим. Давай документы сюда.

Семен отдал портфель. Граф поглядел документы и уставился на Семена.

– Ты, что князь совсем одурел. Ради этих бумажек ты поднял меня с постели? Да, я велю сейчас тебя в кандалы заковать, охайник этакий. Ты, что тут мне «Ваньку морочишь». Где письмо от Облонского.

– Так на груди у меня ваше сиятельство. Облонский приказал отдать вам его последним.

– Ух, и надоед ты мне. Давай сюда письмо.

Семен расстегнул сюртук и подал конверт. Граф, тут же схватил его и начал читать. Глаза Панина стали гореть огнем. Он, даже за сердце взялся.

– Так, так, ну и дела. То, что сам не читал, я это понимаю. Тебе политика до лампы, лишь бы саблей махать и людей на дуэлях убивать. Кто видел это письмо, или, хотя бы хотел взглянуть, что тут написано?

В Семене, опять проснулся гусар. Он со всеми мелкими подробностями описал свои приключения с англичанами и как их секли, не упустил. Наверно, добавил и от себя немного, что бы рассказ его был не только героическим, но и хорошим для пересказа другим. Старый граф, сначала был строг, потом начал улыбаться. В конце рассказа Семена, он уже хохотал, плача и кашляя.

– Вот шельмец-то. Вот пройдоха. Да, англичане сейчас на нас войной пойдут. Придется тебе и их генералов сечь. Вот люблю я гусар. И воюют славно и проделки их замечательны.

Граф еще долго смеялся. Он уже все простил Волкову, даже, то, что он отвлек его от любовных утех.

– Князь, порадовал ты старика. Не будет тебе опалы, даю слово. И Облонский пишет, что правда на твоей стороне. Он все написал, за что ты англичанина на дуэль вызвал. Я бы его там же порешил, если бы он со мной такое сделал, а ты сдержался.

– Так я ваше сиятельство был в цивильном костюме и без шпаги. А так задушить мне его не дали.

– Хорошо, хорошо, утешил меня. Ты Семен Андреевич хорошую службу сослужил родине. Не будет опалы, будет тебе награда. Я утром у Государыни буду, все ей расскажу. Вот

вам моя рука князь. Теперь вы можете меня посещать без приглашения и считайте меня своим другом. Много не хорошего о вас говорили при Государыне. Вот и полковника вы не получили. А вы настоящий сын России. Ваши предки должны гордиться вами.

– Так мы и служим России, как и завещал нам Петр Великий. На том и стоим. А вашим доверием я дорожить буду, ваше сиятельство. Волковы для родины готовы умереть.

– Умирать не надо. Живите. Вот это письмо, что ты привез, сохранит тысячи русских жизней. Ладно, ступай. Устал, чай с дороги-то. Из Петербурга не выезжать, это не приказ. Тебя скоро к себе Государыня пригласит. Иди с Богом.

IX

По пути домой Семен думал, как поступать дальше. Его радовало, что жизнь наладилась. У него есть любимая женщина. Дети подрастают. Жаль Ольгу, но жизнь имеет свои законы, и его судьба принадлежит Господу. Как в его жизненной книге написано, так он и проживет жизнь. Награда радовала его, наверняка и службу предложат. Так мечталось стать генералом, вот он рядом генеральский мундир, а в армию не пойду. Что мне в мирное время делать в армии? Да, и Дагу оставлять не хочу. Поживет немного в России, затоскует и домой попросится. Понятно, отпущу. Что я ей могу предложить? Жениться я на ней не имею право. Дети. Жить с Дагу, можно открыто, тут ничего противозаконного нет, а вот жениться на иностранной подданной я могу с разрешения Императрицы. А какого подданства и тем более рода Дагу? Кому я могу доказать, что в ее жилах течет и благородная кровь? Представить Императрице ее покаленную запись невозможно. Можно, конечно плюнуть на все этикетки и предрассудки. Обвенчаться с Дагу, дело не трудное. Дам священнику несколько монет и все будет сделано, а вот детей на службу больше ни кто в лейб-гвардию не возьмет, и партию серьезную они сделать не смогут. Кто отдаст свою девицу из вельмож, если их отец женат на престолюдинки. Женились бы дети, потом и Дагу можно под венец забрать, но дети малы еще. И о дочери подумать надо, может за князя захочет выйти замуж. Эх, жизнь, вроде и радость дает, но и свой нрав показывает. Поживем, увидим, чего там написано в моей книге жизни. Карета подкатила к его дому. Все было сделано, как распорядился Семен. Четыре портнихи окружили Дагу, а их хозяйка сидела на стуле и внимательно изучала девушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.